

Кира Страйк

Секреты
серой Мыши

Кира Страйк

Секреты серой Мыши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785338

0101

Аннотация

Как выжить попаданке, закинутой в новый мир?

Где всё незнакомое и враждебное, где жизнь опутана кучей мерзких условностей и даже дворянство не спасает от нищеты и унижения?

Может быть плюнуть на аристократическую спесь и начать работать ручками? И создать себе то дело, которое позволит жить и любить по велению сердца, а не по приказу родителей?

Да, именно так и будет действовать Таис. А что из этого получится, давайте посмотрим вместе.

Содержание

1	4
2	10
3	17
4	23
5	31
6	38
7	45
8	52
9	59
10	66
11	73
12	82
13	89
14	96
15	102
16	108
17	114
18	121
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Секреты серой Мыши

Автор: Кира Страйк

1

– Господи, ну это только со мной могло произойти, – думала я, пытаясь пошевелиться и разлепить почему-то ставшие свинцовыми веки, – куда меня, дуру старую, только черти потащили?

Тело в районе грудной клетки тут же отозвалось дикой резью. Глаза открывать расхотелось – наоборот, лицо свело гримасой боли и я тихонько застонала.

– Мамочки, чего я вообще на этом чердаке забыла? И почему теперь всё так болит? Поездом меня что ли переехало? Так, вроде, поезда у нас по чердакам не ходят. Ну до сих пор, по крайней мере, таких феноменов не наблюдалось. Ладно. Это всё не серьёзно. А если серьёзно? – я злилась на себя за беспечность и излишнее любопытство, преведшее меня в такое непонятное и, совершенно очевидно, плачевное состояние.

Кроме того, было банально страшно.

– Ничего, Кристина Геннадьевна, – я заставила себя успокоиться и взять в руки, – живая – уже хорошо. Хоть и совершенно не ясно, с какого перепугу такая побитая. Сейчас

нащупаем телефон, наберём Светку или Лизку – они с Колей примчатся и обязательно спасут.

Телефон при моём темпе жизни можно было смело называть продолжением руки. Поэтому он однозначно должен находиться где-то рядом. За это я не переживала. Давно привыкнув, что клиенты могут позвонить в любое время, я не брала сотовый разве только в душ. Больше волновала возможность пошевелить руками.

Памятуя о предыдущей попытке, приготовилась к приливу боли и потихоньку пошевелила пальцами и кистью. Получилось терпимо. Рука была целой – скорее просто затекла от долгого пребывания в неудобном положении. Я собралась с духом и осторожно потащила непослушную конечность к себе. В груди опять отозвалось болью.

– Потерпи, дорогая, – уговаривала я себя, пытаюсь нашарить телефон в привычном месте в кармане.

Телефона не было. Как и кармана.

Дверь заскрипела и приоткрылась, пропуская в помещение полоску света. Ну, это я сквозь закрытые веки догадалась.

– Кажется, всё-таки очнулась, – послышался приглушённый женский шёпот, – доктора зови.

Некоторое время назад.

Я ехала в такси по вечернему городу. Капли летнего дождя стекали по стеклу, преломляя сверкание разноцветных

рекламных огней и уличных фонарей. Настроение было пре-паршивое. Терпеть не могу все эти банкеты. Тем более в честь собственной персоны. Да ещё и по поводу сорок пятого дня рождения. Но собрать по такому случаю ключевых клиентов и поставщиков требовал этикет.

Плавный ход машины потихоньку успокаивал. Тонированные задние стёкла и мягкость сиденья создавали иллюзию изоляции и защищённости.

– *Хорошо ещё водитель попался не болтливый,* – подумала я и потихоньку стянула туфли на соответствующей случаю шпильке, – фу-уф.

Рассеянно наблюдая мельтешение цветных всполохов за стеклом, я погрузилась в невесёлые размышления.

Сорок пять лет. Вполне себе успешная бизнес-леди с крепким, хоть и не очень большим производством. Симпатичная ухоженная сероглазая блондинка. Не сказать, что худышка, но в форме. Да, в нашем возрасте быть доходягой уже и не прилично, и не красиво.

Только держится это всё исключительно на характере и нисколько не то, чтобы не радуется, а саму себя не впечатляет что ли. Больше всего на свете я хотела детей. А их нет. Мужа тоже. Нет, он до какой-то поры был, но теперь – нет.

Причиной нашего разлада, а потом и развода с Сергеем в своё время, собственно, и послужило отсутствие ребятишек. Столько пройдено обследований, лечений – и всё без толку. В конечном счёте, Серёжа начал попивать. А потом и погу-

ливать.

Я – в то время ещё просто учительница русского языка и литературы в старших классах Лицея Европейской Культуры – едва не сошла с ума, пытаясь найти выход. Но биться за семью нужно было вдвоём, с терпением и настойчивостью, а получалась игра в одни ворота. Мой муж оказался не самым сильным человеком и пошёл по пути наименьшего сопротивления.

А может просто любви не хватило. Или бог его знает чего ещё. Я в своё время смертельно устала себя виноватить и заниматься самокопанием, так и не найдя ответа на этот вопрос. Спасали двоюродная сестра – Лиза с двумя бесподобными ребятишками – Сонькой и Митькой и подружка Светка – лучший друг на свете и по совместительству – математичка того же самого учебного заведения.

Вот уж с кем и в огонь, и в воду. Где надо – поддержит, когда нужно – промолчит, а главное – вовремя по пятой точке надаёт, чтобы не хандрила.

Племянников я обожала и баловала, за что регулярно получала выговоры от сестры и её мужа Коли – мирового мужика и, хоть и любящего, но сурового родителя. Однако иногда умыкнуть малявок на выходные мне удавалось, к величайшей радости мелких шkodников. Впрочем, и их родителей тоже. Им – небольшой "перекур" от этой очень уж подвижной и неутомимой на проказы парочки, а нам с ними было весело и счастливо.

Особенно когда к нашей компании присоединялись Света с дочкой Машкой – небесным белобрысым созданием с голубыми глазами и рассудительностью моей бабули. Как у заполошной Светки получилась такая спокойно-невозмутимая дочь – ума не дам. Наверное, какой-то не разгаданный пока человечеством закон вселенской компенсации сработал.

Так вот, будучи не только весёлой, но и ответственной нянькой, я старалась сделать так, чтобы мои подопечные, пребывая в моём доме, получали самое лучшее и полезное. Поэтому и ударялась периодически в кулинарные эксперименты.

Учиться я люблю, тем более, что в наш век великой компьютеризации – интернет в помощь, и вообще никаких проблем. Сначала были освоены заготовки на зиму всех мастей, производимые мной практически в промышленных масштабах – ну, чтобы всем хватило: и сестре со всем семейством, и Светке с Маней.

Помимо банальных помидоров-огурцов, в ходу были всякие салатики, баклажанчики, неимоверной вкусноты кабачковая икра по долго выверяемому рецепту (она получалась "рубель в рубль", как в советские времена), грибы, заправки, натуральный борщ – так, чтобы только картошку и тушёнку добавить – и готово, ну и прочее в том же духе.

Трескалось это всё моими близкими за милую душу. Готовить мне нравилось. Светка потешалась над моей неудар-

жимостью в этом вопросе, а мне доставляло огромное удовольствие выдавать зимой пакеты с банками-заготовками благодарным почитателям моего кулинарного таланта.

Сладкое мы тоже практически не покупали – только конфетки-шоколадки. Потом очередь дошла до домашней тушёнки – очень удобная тема для скоростного приготовления ужина. Ну и, в конце концов, я созрела до домашней колбасы, так как то, что продают в магазине – к мясу не имеет ни малейшего отношения. И кормить этим детей вообще невозможно.

От Светланы муж ушёл ещё раньше, но она со своей мобильной нервной системой горевала не долго. Главное – у неё была Машуля. А у меня были они.

Ухажёры у меня тоже были. Но всё какое-то "не то пальто". Или я, так и не сумев до конца пережить свою ситуацию, "дула на воду". По крайней мере замуж категорически не тянуло. А встречаться можно было и так, без привязки к пресловутым узам Гименя.

В конце концов в глубине души зародилась и набирала силу мысль об усыновлении. Наверное, я именно поэтому решила на предложенную Светкой авантюру.

2

Колбасу мою как-то незаметно стали покупать совершенно посторонние люди. А всё потому, что Светка с Лизой, да и Коля брали с собой мои деликатесы на работу в качестве дополнения к обеденным перекусам.

Аромат натурпродукта расплылся в радиусе полукилометра, вызывая у окружающего их трудового народа закономерное бурное слюноотделение. Само собой, возникал интерес – что за вкусненькие штучки они там трескают. Естественно, приходилось делиться с коллегами.

А поскольку в моих творениях кроме мяса и специй ничего не было, колбасы от Кристины Михалёвой (в смысле, от меня) стали пользоваться популярностью. Заслуженной, кстати. Но, как вы понимаете, бесконечно объедать моих родственников в конце концов стало неприлично, и особо преданные поклонники начали просить изготавливать сии деликатесы и на них. Понятное дело, уже за денежку.

Я сперва немного опешила, а потом решила – почему бы и нет. Просчитала себестоимость, поставила умеренный ценник и увеличила объём своего нечаянно сложившегося домашнего производства.

Клиентов поначалу набралось не сказать, чтобы очень много, но они были стабильными. А поскольку при таких условиях я имела возможность ещё и учитывать их вкусы и

пожелания – кому для ребёнка не коптить, кому подороже, но только из говядины, кому диетично из птицы – все были просто счастливы.

Вскоре в краевой клинической больнице, в бухгалтерии которой работала Лиза, к выходным практически все отделы составляли для меня заявки на будущую неделю. Я уже молчу про Светку – та вообще обладала уникальным даром продавца.

Иногда мне казалось, что она и в самом деле, как говорят, в состоянии влёгкую "впарить" эскимосам снег зимой, не то, что мою колбасу, которую она просто забирала пакетами и в мгновение ока распыляла по многочисленным знакомым.

Немного поразмыслив, я отправилась в специализированный магазин и приобрела нормальный шприц для набивки колбас объёмом три кг, чтобы больше не мучиться с мясорубкой. Необходимые термометры – электронный с щупом и обычный для измерения температуры внутри духовки у меня к тому времени уже были.

Затем разыскала оптовую базу, торгующую всеми необходимыми для изготовления колбас составляющими и масштабно закупилась. В корзину летели оболочки натуральные и белковые, нитритная соль, готовые смеси приправ для разных видов колбас, ну и ещё куча всякого прочего – в общем, разошлась не на шутку.

Вылезло, конечно, в копеечку, поскольку на оптовках и продаётся это всё приличными объёмами, но не критич-

но. Хотя, к примеру, я долго улыбалась на мешок нитритной соли, который пришлось брать целиком. Прямо все двадцать пять килограммов. Особенно, если учесть, что расход такой соли на килограмм колбасы исчислялся всего двумя процентами от общей массы сырья.

Так что большую часть мешка я, похоже, оставлю своим наследникам. Но это было намного выгоднее, чем покупать сто грамм по безумной цене в магазине. Зато хорошо расширился ассортимент.

Коптилку соорудила из мантоварки, фольги и двух решёток разной высоты от стоявшего без дела аэрогриля. Сдружилась с одной из продавщиц на рынке, которая по предзаказу добросовестно оставляла для меня честное крестьянское мясо по сходной цене.

В общем, поглотила меня эта затея с головой. Все выходные отныне были отданы священнодействию на кухне – разобрать и отсортировать мясо, охладить, перемолоть, а какое сперва и просолить, ну и далее по плану, производя на свет вереницы сервелатов, краковских, кореек, мясных орехов и прочей вкуснятины.

Затем, всю неделю это расходилось по клиентам. Благо, срок хранения у моих произведений получился приличным. А потом я ещё увеличила его за счёт приобретённого бытового вакууматора. Это было уже совсем круто, и я чувствовала себя хозяйкой собственного маленького дела. Такая вот бизнес-леди от колбасы.

Так вот, в один из подобных выходных в гости забежала Света.

– Тебе пора уже колбасный цех открывать, – прихлёбывая чай с бутербродом, заявила подруга, задумчиво обводя взглядом горы заготовок для будущих колбас.

– Не смейся, – продолжая усердно работать ножом, ответила я.

– Да чего не смейся-то? Глянь как лихо разлетаются твои деликатесы – ты скоро просто не сможешь справиться с оборотом, помани моё слово.

– Свет, – я обернулась к подруге, потирая лоб тыльной стороной руки с зажатым в ней ножом, – ты плохо себе представляешь, сколько это стоит. У меня нет таких денег. И в кредит я лезть не хочу. Хватит – наелась этого счастья в своё время. Сколько могу осилить – столько и буду делать.

– Крис, да в таком режиме жить просто невозможно. Сколько ты выдержишь? Ты же кроме лица и этой колбасы больше ничего в жизни и не видишь. А здоровье? Суставы уже вон ломить начало – помеси-ка это ледяное месиво вручную до умопомрачения. А спина? А ноги?

– А деньги на развитие? – парировала я.

– Ну, сколько?

– Много, Свет, много. Даже прикинуть страшно.

– Короче, раз тебе страшно, значит я прикину, – смешно сморщив нос, заявила подруга, – математичка я или где?

В тот день я со Светкой так и не согласилась, но этот

разговор серьёзно зацепил.

На самом деле она была права. Пусть мне интересно это занятие, пусть денежка какая-никакая появилась – так я её, эту самую денежку, даже потратить с удовольствием шанса не имею. Тупо не хватает времени. И, при всём моём трудоголизме, я вряд ли выдержу такой темп всю оставшуюся жизнь.

А если и в самом деле усыновить малыша? Когда я буду им заниматься и наслаждаться материнством? Ответов пока не находилось. Сердце кольнуло холодной тоской.

Одно было очевидно – рано или поздно придётся прощаться с одним из видов деятельности. Либо со стабильной, но скупно оплачиваемой работой педагога, либо с доходным, но тяжёлым производством.

Светлана, в свою очередь, тоже серьёзно озадачилась этим вопросом. Неделю она не донимала этой темой, а потом заявила с готовым бизнес-планом.

По её прикидкам, для того, чтобы открыть небольшое производство требовалось четыре миллиона рублей. Я от этой цифры впала в ступор. В мозгу рядовой учительницы эти нули категорически не укладывались. Светка подробно горячо раскладывала мне детали по-полочкам, в моём же сознании все эти полочки рушились под весом озвучиваемых цифр.

– Стол для обвалки и стол рабочий ... 44500 руб. – вслух

читала я с подружкойной бумажки,

– Холодильная(2 штуки) и морозильная камеры ...
351280 руб.;

Электромясорубка ... 39780 руб.;

Пила ленточная ... 63500 руб.;

Специализированные ножи для работы с мусатом ... 12500 руб., – Светка, ты обалдела что ли? Ты вообще такие деньжищи когда-нибудь в глаза видела?

– Спокойно, подруга, – невозмутимо выставив в мою сторону ладонь сообщила моя математичка.

– Божечки, – с ужасом продолжила я,

– Шприц для наполнения оболочки фаршем ... 47946 руб.;

Машина для смешивания фарша ... 109140 руб.;

Камера термодымовая ... 223700 руб.;

Клипсатор механический односкрепочный ... 60840 руб.;

Весы ... 22380 руб.;

Тележка-чан 100 литров – 3 штуки ... 38400 руб. Это всё? – я подняла на неё ошалевшие глаза.

– Нет, конечно, – бодро улыбаясь заявила она, – ещё надо нанимать персонал и платить ему зарплату.

– Мне никогда этого не потянуть, – я обречённо плюхнулась на стул.

– Без паники, – состряпала уверенную мину подруга.

– Ага, спокойствие, то-олько спокойствие. Как завещал

великий Карлсон, – тихо добавила я.

3

– Во-первых, не тебе, а нам. Во-вторых, большую часть работы мы пока можем делать сами. Хотя без парочки мясников для обвалки туш нам точно не обойтись. Зато всю бухгалтерию я могу взять на себя, развозить мы можем тоже сами – и у тебя, и у меня по машине.

Уборщица – та-а-ак, ну это мы ещё посмотрим. Механик для налаживания оборудования – величина не постоянная. Торговым представителем тоже буду я. Ну а на тебе в полной мере роль технолога – мне в этих заморочках ни в жизнь не разобраться, а у тебя уже не просто знания – опыт, – беспечно выдала эта мысленно уже состоявшаяся бизнес-леди.

– Свет, – охладила я её пыл, – машина нужна не из наших, а с холодильником. Потом, технологии изготовления колбасы для дома и для производства, даже такого небольшого, сильно различаются, я тебя уверяю. А вот как раз этих самых бесценно важных деталек я и не знаю. Это во-первых.

– Та-а-ак, – Светка привычно поморщила нос, – а во-вторых?

– Во вторых, ты уверена, что справишься с реализацией такого объёма?

– Крис, ну ты же меня знаешь, я ж – ух! – подруга демонстративно напрягла тощий бицепс.

– А помещение? И потом, ты, видимо, плохо представля-

ешь, сколько это бумажек и волокиты. А я, как раз, об этом уже поразмыслила, – продолжила я, начиная загибать пальцы, – регистрация ООО – тоже, кстати, не бесплатно, санитарно-эпидемиологическая служба, пожарная часть, ветеринарный надзор. В обязательном порядке нужно будет получать декларацию и сертификат соответствия в Ростесте...

– Стоп-стоп, – Светка радостно замахала на меня руками, – то есть ты всё-таки тоже обмозговывала эту идею! Значит, не такая уж она и безумная, иначе ты бы даже времени тратить не стала, я ж тебя знаю!

– Да, обдумывала, – я тяжело вздохнула, примирительно поднимая ладони, – но тут как раз и встаёт самый насущный вопрос.

– Какой?

– Деньги, звезда моя. Где взять деньги?

– А вот это, как раз, я уже почти придумала, – азартно заявила моя дорогая авантюристка.

– Ты только сразу не роняйся в обморок, – предупреждая мою вполне предсказуемую реакцию, заговорщическим тоном начала Светка.

– Мне уже страшно, – замерла я.

– В общем так, нам с тобой надо продать свои квартиры и временно переехать в однушки, – выпалила она.

Я молча вытаращила глаза.

– Крис, ключевое слово ВРЕ-МЕН-НО, – поспешила она

вернуть в мой лёгкий воздух.

Сами понимаете, это весьма спорное утверждение лично мне энтузиазма не прибавило. Это ж надо было такое придумать! Самое опасное было то, что говорила она на полном серьёзе.

– Свет, ты в своём уме? – чуть отдышавшись спросила я, – Даже если допустить, повторюсь – теоретически допустить такую бредовую вероятность, ладно я – ни ребёнка, ни котёнка. А у тебя Маня подрастает. Ты в самом деле готова рискнуть квартирой, чтобы вложиться в эту авантюру?

Я посмотрела на подругу и совершенно отчётливо поняла – да, она готова. Во мне же сама идея проститься с моей родной трёшкой, доставшейся мне от рано ушедших родителей вызывала протест и казалась почти кощунственной. Меня из роддома принесли в этот дом. Здесь каждая щербинка в стене – родная. Это наше родовое гнездо, в конце концов.

– Родовое, – с горечью подумалось мне, – если я так и не решусь ничего изменить – на мне этот род и закончится. И никто так и не будет шлёпать по голому полу босыми ножками и раскидывать по всем этим трём таким пустым комнатам игрушки.

К горлу подкатил комок, но взять и вот так просто в одночасье принять Светкино предложение я всё-таки не могла. Не было во мне подружкиной безбашенности. Да и взяться ей было неоткуда.

Мои родители – простые честные трудяги. Мама – учи-

тельница и папа – инженер. Они по определению не были людьми рисковыми. Перед глазами никогда не было примера того, как научиться рисковать. Не просто работать, а зарабатывать. Хотя, нарастающее со временем отчаяние подспудно уже всё-таки готовило меня к решительному шагу.

– Та-а-ак, чую, лёд тронулся, господа присяжные заседатели, – заулыбалась подружка, внимательно наблюдавшая за моей реакцией.

Ну да, за столько-то лет дружбы мы давно научились "читать" друг друга.

– Ничто никуда не тронулось! – неуверенно возмутилась я, – кроме крыши одной моей знакомой авантюристки.

– Тронулся – тронулся! Я же вижу!

– Свет, не дави, – уже серьёзно пресекла развитие этой спорной темы я, – мне надо спокойно подумать.

– Молчу – молчу, – она картинно застегнула рот на замок, – а что у нас сегодня на ужин?

В конечном итоге, после бурных споров и изнурительных расчётов-перерасчётов, я всё-таки отважилась привести в исполнение весь этот замысел.

Хотя, если уж признаться честно, где-то в глубине души я приняла это решение ещё тогда, в тот самый день. Всё остальное время я критично искала изъяны в бизнес-плане и пути их исправления. Переезжать в чужую однокомнатную квартиру было грустно, но, раз уж решила – значит делаю. Отступить нас не учили.

Светлана, кстати, довольно ловко и удачно провернула обе сделки. Я в экстренном режиме прошла онлайн курсы технолога мясного производства. Но, как это обычно бывает у начинающих предпринимателей, абсолютно всего мы предусмотреть не могли. Поэтому, не смотря на теоретически радужные прогнозы, в самом начале пути едва не разорились.

Без конца и края вылезали какие-то непредвиденные бытовые расходы, совокупно выливаясь в приличные суммы. Всё-таки пришлось добирать кредит. Это были отчаянные времена.

Я разыскала однокурсников, проходивших обучение вместе со мной, и организовала чат по решению возникающих проблем. Ибо они были у всех. Вместе решали возникающие вопросы. И, поскольку, находясь в разных регионах страны, конкуренции друг для друга мы не составляли, все охотно делились опытом.

Светка срочно нашла бывшего мужа. Точнее его родителей. Поскольку, хоть сам он и был ... (деликатно не буду перечислять подружкины определения в адрес бывшего), но родители его – прекрасные люди и к Светлане, как оказалось, по прежнему весьма тепло относились, а в Мане и вовсе души не чаяли.

Так вот к чему это я. У этих самых чудесных людей оказалась своя собственная небольшая ферма. И теперь мы закупали мясо у них, хорошо выигрывая в расходах на сырьё.

По очереди с подругой метались, высунув язык, предлагая свою продукцию во все мыслимые и немыслимые места.

Хорошо сработало, кстати, на небольших магазинчиках дачных и жилых посёлков. В общем, там ужались, здесь вывернулись – худо-бедно, прибыль потихоньку пошла в гору.

В первую очередь закрыли кредит, выкупили арендованную до тех пор машину. Затем начали расширяться, потихоньку строить собственные производственные помещения. Наняли технолога – ответственную, бодрую, опытную в этом деле пенсионерку. Я поначалу бдительно следила за всем ходом производства, но Лидия Петровна быстро завоевала наше доверие. К тому же очень удачно дополнила ассортимент наработками из собственного богатейшего багажа.

Теперь я влезала в процесс не часто, больше для проформы и из профессионального любопытства.

Светлана курировала новых бухгалтеров. В этом вопросе нам почему-то долго не везло – никак не находилась "Лидия Петровна от бухгалтерии". В конце концов, именно она и привела в нашу компанию Татьяну Васильевну – такую же пенсионерку – главбушку от бога.

Э-эх, опуская скучное описание этих непростых шести лет нашего роста, на сегодняшний день мы были процветающей, заслужившей добрую репутацию компанией со сложившимся коллективом сотрудников, клиентов и поставщиков.

4

Наконец-то у меня опять есть своя трёхкомнатная квартира. В ней сейчас делают ремонт.

Больше всего вдохновляет будущая детская. Захожу в неё, совсем пока ещё пустую – только закончили ровнять стены, и замираю мурашками по коже, представляя, как принесу сюда малыша.

До сих пор не знаю, мальчик это будет, или девчонка – решила, что приду в дом малютки и пойму сердцем, кто моя детка. Посему эту комнату решила оформлять в нейтральных мягких тонах бежевого, серого и капучино. С пушистым ковром на полу и уютными, плюшевыми на ощупь шторами. Коля обещал собрать кроватку. Знаете, такая классная – сама бы в ней спала. Трансформер с поперечным маятником – может быть овальной или вообще круглой – валяйся хоть вдоль, хоть поперёк, хоть звездой. Я её уже тоже купила.

А ещё купила дачу. Ну, как сказать дачу – это я её так называю. На самом деле – домик на окраине деревни Язово, в сорока пяти километрах от города.

Рушилка, конечно, подзаброшенная, но ничего – отстрою. Будет там и баня хорошая, со внутренним бассейном, и огромные панорамные окна, и газон для детской площадки – идей много.

Послезавтра встречаюсь с архитектором – будем филь-

тровать мои аппетиты. А то я со своей неуёмной фантазией того ещё наворочу. Влюбилась в эту завалюшку с первого взгляда.

Дело в том, что дом стоит почти в лесу. Сосны, берёзы, песок. Рядом озеро, чуть подальше и река имеется. Грибов здесь, думаю, тьма в сезон. В таких местах растут боровики. Ну это мы чуть позже разберёмся. Красота, тишина – неопи-суемые.

Будет куда и с малышом на выходные уехать от город-ского смога, и племянников привезти. Да и Светка уже до-вольно потирает руки – сама-то она на заморочки с домом не решается – лениво, а вот перспектива наездами бывать с Маней в экологичном и к тому же комфортном (в ближай-шем будущем) месте мою подружайку вдохновляет.

Вот туда-то, после обязательной и утомительной банкет-ной программы, мы и отправились всей нашей тёплой ком-панией по-настоящему отмечать мой юбилей. Знала бы я то-гда, чем это всё закончится.

Ясным субботним утром мы собирались "на дачу". Реши-ли, что ехать аж на трёх машинах не рационально, поэтому Лиза с мужем и ребятишками заехали за мной домой. Свет-лана с Машулей доберутся сами.

– Дай-ка погляжу, чего тебе тут наваяли, – Коля с видом знатока, "уперев руки в боки" пошёл с ревизией по комна-там.

Надо сказать, что парень он и в самом деле рукастый, поэтому не грех было прислушаться к его мнению. Я бросила собирать вещи и поспешила за ним, на ходу рассказывая, как планирую облагораживать своё новое гнездо.

– Вот здесь будет моя спальня. Как думаешь, заморочиться с нишей, или это уже не модно?

– Я бы не стал – по меньшей мере это не практично. Если, вдруг, надумаешь элементарно поменять обои – проблем не оберёшься. Это выльется в натуральный геморрой.

– Пошли будущую детскую покажу, – я потащила его за рукав, – зацени, как тут всё выровняли.

Коля одобрительно провёл рукой по гладкой, как яйцо, стене.

– Муж, отстань от сестры, – громко заворчала из кухни Лизка, – она так никогда не соберётся. А нам ещё за мясом заезжать.

Николай молча напучил глаза, качнул головой и развёл руками – мол, командир сказал "люминь" – значит "люминь". И мы послушно двинули завершать процесс сборов.

Поскольку в домике ещё практически ничего не было, пришлось составлять список всего необходимого, чтобы ничего не забыть. Формуляр получился приличный. Ну и сумок, в которых уже самозабвенно рылись племянники, тоже.

Сестра, тряхнув рыжеватыми кудрями и сердито зыркнув на ребятню, быстро организовала погрузку в машину. Хотя, мне казалось, что для такого количества вещей придётся за-

казывать газель. Это, видимо, приходит к женщинам с материнством – умение быстро и рационально заполнить заданное пространство.

– Чемпион по тетрису уровень 90, – улыбнулась я, наблюдая, как ловко и чётко Лизавета руководит утрамбовкой этой горы сумок, сумочек, корзинок и кошёлочек.

К величайшему изумлению, всё влезло. "Мой" рынок, на котором я обычно брала мясо для дома, был нам совсем не по пути. Пришлось забежать на наш местечковый ВДНХ.

– Подходи, э-э, красавица, – зазывал к своему прилавку улыбчивый колоритный мужчина восточной наружности в чистом фартуке.

– Говядина, телятина, девушка, чего желаете, – летело со всех сторон оглушающим гомоном.

Я, привыкшая к быстрым покупкам у "своей" продавщицы, молча искала глазами то, что мне нужно. Победил чистый фартук.

– Вах, – обрадовался мужик, – хороший мясо, свежайший! Грудинку? Лопатку?

– Мне нужно крестьянское мясо, – перебила я его.

– Какой нравится? Выбирай! Любой – хороший.

Я поковыряла красивым ногтём шкурку окорока и посмотрела в честные глаза продавца. Ах ты ж хитрован.

– Вот этот давайте, – я указала пальцем на ближайший кусок.

Мужик завесил мясо и радостно огласил стоимость.

– Сонь, – окликнула я крутившуюся рядом племяшку и заговорщически наклонилась к ней, – у тебя деньги есть?

– Есть, – шёпотом ответила малышка и потянулась в сумочку за аккуратным розовым кошелёчком.

– Одолжи, – я сама ей недавно подарила этот самый кошелёк с игрушечными купюрами банка приколов.

Надо было видеть обиженно – растерянное лицо продавца, когда я протянула ему Сонькины фальшивые деньги.

– Ну так, если это – "крестьянка", тогда это – деньги, – невозмутимо заявила я.

Мужик замер, моргнул, заулыбался и пошёл куда-то в свои закрома, бурча что-то вроде "ай, молодец" и одобрительно качая головой. Через пару минут он вернулся, положив передо мной отличный окорок, шею и антрекоты.

Ни грамма смущения или неловкости в его глазах даже не мелькнуло, – напротив, этот восточный дядька был страшно доволен, повстречав в моём лице равного знатока.

– Выбирай, – расплывшись в лукавой улыбке сказал он.

– Вот это дело, – оглядев мясо критичным взглядом ответила я, – давайте всё.

– Ай, маладца-а, – ещё раз повторил мужик, завесил мясо и щедрой рукой добросил в пакет шмат божественной корейки.

Я округлила серые очи.

– За удовольствие, – пояснил он, продолжая широченно улыбаться.

– М-м-м, благодарю, – промычала я.

Коля с совершенно ошалевшими глазами подхватил пакеты и, подтолкнув меня локтём рванул на выход.

– Да не переживай, назад не отберёт, – уже в голос хохотала я.

– Ну ты, мать, даё-о-ошь, – с изумлением, переходящим в восторг протянул он.

Так и бежал до самой машины, басовито причитая на ходу что-то про "Нет, ну это ж надо... ну вы видели, а?" А потом ещё почти всю дорогу расписывал для Лизы в красках это наше маленькое приключение.

– Можно я теперь на рынок с тобой ходить буду? – Коля никак не мог успокоиться, перетаскивая вещи в домик.

– Да угомонись ты уже, – смеялась я, – лучше глянь, какая красотень вокруг.

Ребятишки всю гоняли по округе, разведывая обстановку. Лиза стояла рядом, медленно, со смаком втягивая носом тёплый, душистый запах леса.

Почти вслед за нами к дому подъехала Светка. Племяшки с визгом бросились встречать Маню. Подружка, хлопнув красивой круглой попой дверцу машины, с ходу взялась за организацию "банкета", волоча в обеих руках пакеты с кучей готовых салатов в контейнерах.

Коля разлил по стаканчикам моё любимое красное сухое вино, и мы дружно, со смехом и шутками взялись бла-

гоустроиваться. Вот это я люблю – без пафосных шпилек в тесном кругу самых дорогих людей.

– Крис, а как там у вас с этим большим контрактом? – спросила Лиза, нарезая нашу же краковскую колбасу.

– С каким? – оторвалась я от оттирания походного раскладного столика.

– Ну этого, с армией.

– А, на поставки наших сосисок? Ну ты прям скажешь, с армией. В наш Алейский гарнизон. Барабанная дробь – кажется срослось.

– Таки, это повод для тоста! – подал голос Коля.

– Кри-ис! А где у нас полотенца? – крикнула из дома Светка.

– Сейчас найду. Иди закончи со столом, а я разыщу и принесу, – отозвалась я и пошла в избу.

Тихо ругаясь про себя на организованный нами же в домишке бедлам, я шарилась в поисках нужной сумки. Искомый баул обнаружился под лестницей в углу, ведущей куда-то вверх.

– Оп-па! А это ещё что? – пробормотала я сама себе, осторожно поднимаясь по ступеням и упираясь в тяжёлую крышку, – залезть, или ну его, потом?

Любопытство взяло верх. Поднатужилась и кое-как откинула ляду, за которой обнаружился пыльный, дико захламлённый чердак.

– Ёлки-палки, – протянула я, оглядывая весь этот старин-

ный хлам, – это ж сколько отсюда вывозить. Ух ты, а это что?

В дальнем углу виднелся здоровенный сундук. Внешне очень даже неплохо сохранившийся.

– Красота какая, прям почти пиратский, – восхищённо пыхтя, я лезла к находке, преодолевая горы тряпья, скарба и трухлявой мебели.

Оставался последний рубеж – какая-то узкая, кажется, кровать, стоящая мало того, что поперёк, так ещё и на боку. Её я решила просто перелезть.

Странный рисунок на полу за перевёрнутой кроватью увидела в самый последний момент. Испуганно ойкнув, разглядев круг, я обеими ногами опустилась в центр вписанной в него слабо замерцавшей звезды. Не смею утверждать наверняка, но, кажется, это была пентаграмма.

Ранним воскресным утром небольшая процессия из четырёх человек чинно выгружалась из коляски, остановившейся на площади перед небольшой церковью в центре деревушки Фуркево.

Мужчина средних лет с уставшим лицом в выдавшем виду, но когда-то безусловно дорогом камзоле, подал руку молодой женщине. Если бы не сварливое, скорбно-раздражённое выражение лица, добавлявшее ей лет, эту манерную блондинку с аккуратной причёской можно было бы назвать миловидной. Всё портила глубокая складка, прочно утвердившаяся между бровей и никогда не покидавшая это чело, и вечно опущенные уголки губ.

Женщина сошла с приступки, нарочито поправила красивое и, что было совершенно очевидно, тоже не новое платье. Вслед за ней на землю спрыгнул нарядно одетый кудрявый мальчик лет пяти.

Последней к церкви направилась совсем ещё молоденькая девушка в аккуратном простом платье. Скупостью движений и всем своим видом она больше походила на тень.

Скромный наряд в серых тонах абсолютно сливался с густыми волосами какого-то невнятного мышинового оттенка. Такого же цвета брови и ресницы тоже контраста не добавляли. И даже ясные голубые глаза были не в состоянии ожи-

вить блёклую туманность её образа. Наверное, из-за застывшей в их глубине тоски.

Вся эта компания производила странное впечатление. Скорее даже сказать гнетущее.

Натянутый пафос женщины, явно не тянувшей на заявленный образ богатой титулованной особы, смирение мужчины, безучастность девушки.

Только беспечному и явно избалованному мальчонке были совершенно безразличны условности и тяготы статуса его родителей. Он носился по площади, с гиканьем разгоняя стайки пухлых голубей.

– Теодор, ведите себя прилично! – попыталась приструнить мальчика женщина.

Но её замечание осталось без внимания – сорванец продолжал упоённо нарезать круги.

Это было семейство местного барона: отец клана – Рауль дю Белле, его вторая жена – Лаура дю Белле, их сын – Теодор и дочь барона от первого брака – Таис.

Некогда богатый дворянский род пришёл в полный упадок после смерти отца Рауля. В отличие от своего рачительного родителя, нынешний владелец баронства оказался человеком совершенно доверчивым и непрактичным.

Обвести его вокруг пальца было проще, чем отобрать у ребёнка конфетку, и этим беззастенчиво пользовались все, кому не лень. Начиная от друзей-баронов, занимавших деньги и "великодушно" прощавших себе эти долги, до его

собственных арендаторов, утаивавших налог под предлогом мнимого бедственного положения.

Потом умерла мать Таис.

В конце концов дошло до того, что сам Рауль остался при двух небольших деревеньках, доход от которых только и позволял, что сводить концы с концами, не давая окончательно развалиться родовому имению.

Позднее Барон женился второй раз, полагая, что маленькой Таис необходимо женское внимание и участие. Только в этом вопросе Рауль капитально промахнулся с выбором кандидатуры на сию роль.

Нет, Лаура не была совсем уж злой мачехой, в духе персонажа из старой сказки про Золушку. Просто Таис была ей совершенно безразлична.

Стандартная история – молодая амбициозная женщина вышла замуж за титул, ожидая прилагающихся к нему "пряников" и просчиталась. Ситуация ухудшилась окончательно с рождением родного сына – Теодора, названного так в честь дедушки.

Новоиспечённая баронесса была жутко разочарована финансовой ситуацией, в которую погрузилось баронство. Будучи женщиной красивой, но не очень родовитой, она в отчем доме жила более сыто, чем позволяло их нынешнее благосостояние. И, конечно, Лауру дико раздражала необходимость экономить практически на всём.

О нарядах и предметах роскоши речь вообще не шла.

Управленческая жилка в ней была, но сфера её применения распространялась только на близких и домочадцев. Напрячь ум и использовать собственную хватку более широко на налаживание семейной финансовой ситуации этой не глупой, в общем-то, женщине и в голову не приходило.

Рауль, устав от бесконечных претензий жены, смирился с собственной беспомощностью. Таис, наряду с двумя оставшимися служанками, выполняла роль прислуги и няньки лучезарному братишке, которого, впрочем, беззаветно любила. Баронесса изо всех сил пыталась сохранить видимость высокого статуса.

Род дю Белле медленно, но верно скатывался в пучину бедности.

На площади потихоньку прибавлялся народ, подъезжающий к началу службы. Неожиданно к спокойному гулу людских голосов, разбавляемому весельем маленького барона, добавилось залихватское гиканье явно нетрезвого всадника, на всём скаку нёсшегося по дороге в сторону церкви. Народ заворчал, выражая недовольство.

– Кто это там вольничает? – раздался строгий мужской голос.

– Да, видать, опять сынок герцогский с гулянки домой возвращается, – высказала предположение пышнотелая булочница.

– Он самый и есть, кому ещё. Больше никто в наших краях-то так уж и не беспределит, – раскатисто комментировал

ситуацию местный кузнец.

– Вот, холера, и чего ему по окраинной дороге не ходит-ся, – досадливо отозвался седой крепкий старик.

– Вишь ли, там длиннее, ленно их светлости в кругалю до-мой добираться, – раздражённо вступила в разговор худоша-вая женщина в тёмной юбке и платке.

Дружно уставившись в сторону всадника, все увлечённо обсуждали молодого непутёвого вельможу. Никто и не заме-тил, как маленький Теодор, в погоне за белым голубем с кра-сивым кружевным хвостом, побежал в сторону дороги. Пти-ца мелкими перебежками перелетала с места на место, увле-кая за собой мальчишку.

Герцогский отпрыск слишком поздно заметил ребёнка на дороге. Остановить разогнавшегося разгорячённого скакуна не было ни малейшего шанса.

– Тео! – первой среагировала Таис и бросилась в сторону брата.

Мальчонка, как вкопанный, замер на дороге, оторопело глядя на приближающегося коня. Девушка на последних се-кундах изо всех сил обеими руками толкнула ребёнка, отпи-хивая его далеко в кусты, но сама отскочить уже не успела. Гнедая молния налетела на неё, сбивая с ног, подкидывая в воздух как тряпичную куклу.

Всадник, видимо, всё же был отменным наездником, су-дя по тому, как ловко на ходу он спрыгнул с потерявшего равновесие коня. Толпа с общим вздохом отхлынула. Затем

раздался тонкий визг булочницы, и народ волной ринулся к месту происшествия.

Кто-то уже поднимал на руки и ощупывал впавшего в шок Тео, передавая его в голос ревущей Лауре. Малыш физически особо не пострадал – несколько ссадин и ушибов. Но широко раскрытые глазёнки с текущими градом слезами выдавали пережитый им ужас.

А вот с Таис всё было гораздо хуже. Она лежала, распластавшись на гравие дороги, и не подавала признаков жизни. На коленях возле неё стоял отец, толпа окружила их плотным кольцом.

– Пропустите, пропустите, говорю – раздался собранный голос местного доктора, с трудом протискивавшегося сквозь тесно стоящих людей.

– Да пропустите же, – наконец сориентировался кузнец, мощными локтями раздвигая народ, освобождая для него проход.

Пухленький мужчина с густой, посеребрённой ранней сединой шевелюрой, замерев на несколько секунд, пощупал пульс пострадавшей:

– Подавайте телегу, она жива.

Человеческий улей опять загудел, выдыхая информацию, передавая её друг другу. Подогнули повозку. И тут кто-то громко вспомнил про виновника.

Молодой мужчина сидел, скорчившись от ужаса, прямо на земле. Это действительно был Жан Жозеф дю Сен-

Марк де Шамбор, старший сын и любимец герцогини Жозефины Мари Габриэль дю Сен-Марк де Шамбор. И он был пьян.

6

– Осторожно. Да осторожно вы, – шипел на людей доктор, пока те в несколько пар рук несли девочку к повозке, – Скидывай мешки, кладите на ровное. Да не трясина там по дороге. Я следом прибуду.

К нему на подгибающихся ногах подскочил герцог. На Жана было страшно смотреть – его колотило, как в лихорадке. Растрёпанные волосы торчали в разные стороны, по вискам ручьями струился пот, посиневшие губы дрожали. Осознание содеянного его буквально размазало.

– Доктор, пожалуйста, пожалуйста, она будет жить? – свистящим шёпотом, срывающимся на фальцет, больше молил, чем спрашивал он.

Затем ходящими ходуном руками, с трудом попадая куда нужно, начал выворачивать все подряд карманы, судорожно впихивая в руки доктора деньги. Монеты рассыпались, падали в пыль. Жан, не отрывая от него ставших совершенно белыми глаз, поднимал их вместе с грязью и вырванной травой и пихал, пихал в пухлые его ладони.

– Я сделаю всё, что смогу, но на всё воля божья, – сухо ответил эскулап и, повернувшись к вознице, скомандовал, – трогай.

Телега поехала. Помятого, взъерошенного, потерянного герцога обступила толпа. Обозлённые десятки глаз смотрели

на него, вокруг поднимался гневный ропот. Но страшнее их всех была наступающая на него Лаура. Глаза её горели слепой яростью.

– Вы едва не убили моего сына, – чеканя каждое слово, точно забивая гвозди в крышку гроба, рычала баронесса, – я вас уничтожу. Все узнают, что вы натворили. Вы сгниёте в тюрьме. Я до короля дойду.

Казалось, дальше уже некуда, но зрачки Жана расширились ещё больше, заполняя радужку целиком. Кровь окончательно покинула онемевшее лицо.

– Баронесса! – он порывисто шагнул ей навстречу, в тысячный уже, наверное, раз схватив свою вихрастую чёлку с такой силой, словно пытался вырвать её.

– Не подходите ко мне, убийца! – взвыла женщина, и, резко развернувшись, почти побежала к коляске, где уже сидел Рауль, прижимая к себе обессиленного от пережитого сына.

– Я помогу... Я оплачу... – вслед ей шептал герцог, – ГОСПОДИ-И-И!!!

На самом деле, конечно, Жана Жозефа дю Сен-Марк де Шамбор нельзя было назвать таким уж прям отличным парнем, но отпетым негодяем и подонком он тоже не был.

Выражаясь одним словом, он был раздолбаем. Игроком, кутилой, повесой, красавчиком, избалованным и загубленным слепой материнской любовью. Большим ребёнком, никак не желавшим взрослеть. Стимула не было – ему и так всё само (точнее, с подачи герцогини) валилось в руки.

Жозефина злилась, ругалась, грозила всеми карами небесными своему любимцу, но, в конечном счёте, всегда сдавалась и прощала всё. Покрывала его "косяки" перед главой семейства, оплачивала карточные долги, щедро одаривала родителей "опороченных" девиц, которые, справедливости ради надо заметить, без особых усилий со стороны "искусителя" вполне себе добровольно валились штабелями к его ногам, задыхаясь от счастья и восторга.

В общем, он никому никогда в своей жизни не причинил сознательного вреда. Поэтому, этот ужасающий случай напрочь вышиб из него дух.

Спустя некоторое время, немного продышавшись и придя в себя, Жан осознал, что пускать ситуацию на самотёк в сложившихся обстоятельствах нельзя ни в коем случае. Значит что? Придётся идти сдаваться матушке. Что он и сделал, как и всегда, когда попадал в очередную переделку.

Герцогоиня была в гневе. Более того, она была в панике. Скрыть от супруга инцидент не представлялось возможным. Его светлость впал в натуральное бешенство и орал так, что содрогались толстые стены крепкого родового замка.

Досталось всем – и сыну, и Жозефине за в высшей степени провальное воспитание старшего отпрыска, и лакею, имевшему неосторожность попасться на герцогские глаза при попытке ускользнуть в лакейскую, дабы избежать хозяйского гнева, и даже голубям, не вовремя осевшим на широком подоконнике огромного окна.

Поэтому, на следующий же день непутёвый сын твёрдою рукой был решительно отправлен в имение барона. Возвращаться без приемлемого варианта решения возникшего конфликта было запрещено под страхом материнской анафемы.

– Денег предложи, деликатно, но твердо. Так, чтобы и мысли о шантаже не возникло, чтобы были благодарны за помощь.

Герцогиня, внешне проявлявшая полную солидарность с мужем, сунула в карман провинившемуся любимчику тяжёлый мешочек золотых.

В баронском имении царила гробовая тишина. Не слышно было даже вездесущего Тео. Провожаемый тощей замотанной служанкой, Жан шёл по сумрачному коридору, содрогаясь от холода и ползущего изо всех щелей упадка. Шаги его гулким эхом отражались от голого пола. Хотя нет, пол не был голым – просто ковры, формально застилавшие его, настолько обветшали, что уже совершенно перестали выполнять свою функцию.

Баронесса, прямая, как палка, с каменным лицом и чинно сложенными руками встретила его в большом зале. Жан, будучи мужчиной не робкого десятка, поёжился под её ледяным взглядом. Первый раз в жизни он ощущал такую беспомощность и полную власть над собой другого человека.

От того, сумеет он договориться с этой женщиной или нет, зависела его дальнейшая судьба.

Лаура тоже отдавала себе отчёт в том, что имеет право

требовать многого и вряд ли получит отказ, поэтому, к великому облегчению Жана, не стала ходить вокруг да около, а сразу перешла к делу.

За ночь она успокоилась и хорошо всё обдумала, справедливо полагая, что, под страхом суда и огласки, молодой герцог прибежит сдаваться на её милость.

– Баронесса, я готов компенсировать все расходы на лечение и содержание вашей дочери... – начал было Жан.

– Конечно, вы компенсируете нам наши затраты, и молитесь господу, чтобы моя падчерица выжила. А так же услуги доктора для моего сына – мальчик получил сильный испуг. И некоторую сумму за то, что мы не будем поднимать шумиху, позорящую ваш род.

– Согласен, – облегчённо выдохнул он, не ожидая, что вопрос решится так быстро и ограничится просто финансовыми затратами, – о какой сумме идёт речь?

– Не торопитесь, это не всё, – перебила Лаура, заставляя его сердце сжаться в нехорошем предчувствии, – даже если случится такое чудо и Таис выживет, здоровье её будет подорвано. Она не сможет в прежней мере помогать вести хозяйство. И трудно представить, как её в таком состоянии, с испорченной шрамами внешностью возможно будет выдать замуж. Это создаёт определённые трудности для нашего дома. Поэтому вы, дорогой герцог, возьмёте ответственность за решение этой проблемы на себя и озаботитесь тем, чтобы моя падчерица оказалась в вашем поместье в роли фрейлины

вашей матушки. Статус Таис позволяет воплотить эту идею вполне безболезненно.

Жан стоял, раскрывая и закрывая рот, что та рыба, выброшенная на берег, ошалеv от такого холодного расчёта и напора, исходивших от хрупкой женщины.

– Я должен переговорить с герцогиней, – он на деревянных ногах развернулся на сто восемьдесят градусов и направился к выходу.

– Я жду вашего решения три дня, – в спину ему добила баронесса.

Жан уже почти дошёл до выхода.

– И всё же, о какой сумме идёт речь? – повернувшись, от самой двери спросил он.

Нравилось герцогине требование баронессы или нет – ей пришлось принять это условие. Тем более, что она как раз накануне выдала одну из своих "засидевшихся в девках" фрейлин – двадцатипятилетнюю нескладную Элизу за шестидесятилетнего вдовца.

Более всего её заботило, чтобы девушка не оказалась слишком красивой. Герцог был всё ещё очень даже крепок здоровьем и слаб до женских прелестей. Поэтому, Жозефина строго следила за тем, чтобы в их дом не попадали миловидные особи.

Получив заверение сына в том, что "смотреть там не на что", она дала требуемую баронессой сумму и своё согла-

сие принять Таис на должность личной фрейлины, как только та встанет на ноги.

Хрупкая девочка металась в бреду. В краткие моменты возвращающегося сознания она слышала бормотание Марлен – доброй, простой, ворчливой кухарки, которая, по всей видимости ухаживала за ней. Раз в день заходил доктор – его тихие комментарии не оставляли надежды.

От шелестящих сквозь густое, мутное полузабытьё слов накатывало понимание, что вряд ли она сдюжит, да Таис и сама это чувствовала.

Уходить было не страшно. Страшно было оставить близких. Она жалела отца, подолгу молча сидевшего возле её кровати, прижимая к провалившимся в синеву уставшим глазам холодную узкую ладошку дочери. И даже мачеху, которая иногда, когда никого не было, заходила в комнату, и смотрела от порога на чужую для неё девочку, спасающую её сына, со смешанным, не свойственным ей чувством благодарности и вины.

Но больше всего сердце разрывалось за маленького брата. Тео, видимо, не позволяли ходить к ней. Мальчишка втихушку всё же улучал момент, проскальзывал к сестре и тихонько горько плакал, уговаривая "любименькую Таюшку" проснуться, обещая быть "самым лучшим братиком на свете" и делать "всё-всё, как она скажет".

Физическая боль притупилась и почти перестала ощу-

щаться. Невыносимо жгучим клубком в сознании ворочались мысли о том, что отец, скорее всего, сопьётся и тоже долго не протянет. Что маленький Тео всю жизнь будет винить себя в её гибели.

Что холодная Лаура, хоть и любит сына, но как-то отстранённо, посвящая весь свой скудный запас сердечности только себе. А значит, малыша ждёт её собственная участь – судьба забытого ребёнка.

И Таис молилась. Не о себе. Не о своём переходе в сияющее, светлое доброе нечто. Она горячо заклинала все верхние силы помочь. Девушка не понимала, как такое возможно, и даже придумать не могла, но продолжала умолять. Уже не важно кого – светлые, тёмные.... Обессиленная душа стояла на краю и кричала в никуда:

– Помогите, хоть кто-нибудь!

Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам. (Евангелие от Луки.)

Потом я долго задавалась вопросом: мне показалось, или я и в самом деле видела эту картинку со стороны? Точнее – одновременно несколько картинок из разных вселенных и времен. Это было похоже на грани зеркального шара, в каждой из которых отражались миры...

Как уходила Таис – спокойная, свободная от боли и слёз,

как шла к свету по широкому лучу солнца к новой жизни.

Как плакала навзрыд Светка, вгрызаясь ночью в подушку, затыкая себе рот, стараясь не напугать своим горем дочку. Как тихо и безнадежно поскуливала сестра, уткнувшись в Колину грудь.

Каким-то высшим силам, видимо, в этот момент и подвернулась я. И они, причудливым образом спасая меня от последствий "плохой" гибели, отвечая на призыв светлой девичьей души, перенесли Кристину Михалёву в это чужое тоненькое тело. Ну им, этим самым силам, видней. Хотя осознала это я гораздо позже.

А в моём далёком родном мире шёл дождь. На ухоженном городском кладбище под зонтами стояли люди в траурных одеждах.

– Эх, такая молодая, и инфаркт, – сокрушённо вздохнул Валерий Палыч, – шестидесятилетний владелец сети дачных магазинчиков, с которым мы сотрудничали практически с первых дней, с самого зарождения нашего производства.

– Хорошая была девка. Умная, добрая, сердечная. – тихо сказал Сергей Леонидович – наш крупнейший поставщик и отличный дядька, практически перешедший уже в категорию друзей.

– Да, – в тон ему отозвалась Лидия Петровна, – и небо плачет.

Лиза тоже тихонько плакала, прижимая к губам платочек.

Светлана обнимала её и молча, не мигая смотрела на мою фотографию.

– А ты знаешь, я верю, что у неё всё сейчас хорошо, – вдруг сказала она.

Сестра подняла на неё зарёванные глаза.

– Точно тебе говорю – она мне приснилась и успокаивала. – продолжила подруга, – Только на себя не похожа внешне, но точно она. Уговаривала не горевать.

– И мне снилась, – глаза Лизки стали совсем круглыми и она от изумления аж перестала плакать, – такая молоденькая девушка. А я не поверила. Что-то говорила про завещание, что на всякий случай недавно составила, и что квартиру мне отписала. Я ещё переживала, что тут такое... А мне всякий бред снится – даже рассказывать не хотела.

– Точно, – настала Светкина очередь округлять глаза, – а мне всё про бизнес твердила. Я её зову, кричу, мол, начерта мне тот бизнес такой ценой, а она смеётся, рукой машет. Поцелуй мне с ладошки послала, как она всегда это делала, и ушла.

Народ вокруг начал прислушиваться к разговору.

– А что, говорят, дом-то этот сгорел? – осторожно спросила Татьяна Васильевна.

– Помогли, – со вздохом ответил Коля, поправляя венки на свежем холмике.

– Это как? – переспросил Сергей Леонидыч.

– Да к бабке не ходи – деревенские спалили. Нечему там было ещё загораться. И в полиции сказали, что всё указывает на поджог. Только не найдут крайних – зуб даю. Они деревню от "плохого" дома спасали – не сдадут поджигателей. Одно не понятно, чего молчали? Почему раньше про слухи об этой... чёртовой развалюхе не рассказали?

– Да говорили, – отозвалась Света, – только Крис насмерть упёрлась – очень уж ей место понравилось. Всё отшучивалась, что ерунда это, мракобесие, да и хибару она всё равно снесёт. Не успела.

Размазывая по дороге жёлтую глину, подъехал автобус. Народ, поддерживая друг друга и обходя лужи, медленно потянулся к нему и к стоящим поодаль машинам.

Всё это было потом. А пока мне ещё только предстояло разбираться в сложившихся обстоятельствах, осваивать саму мысль о том, что я – больше и не я вовсе и смиряться с чужим телом, которое, в данный момент, болело и с большим трудом дышало.

Я лежала в темноте с закрытыми глазами, пытаюсь собраться с мыслями и пребывая в безграничном недоумении от всего происходящего.

– Может я сплю? – эта мысль казалась самой здоровой, – Исключено. Слишком явственно об этом кричало избитое тело.

– Тогда кто притаился за дверью? Точно не Светка и не

Лиза. И почему ко мне никто не подходит? И где, наконец, в самом деле сотовый? Дался же мне этот телефон...

Голова шла кругом. Самым страшным в жизни я всегда считала неизвестность. Когда знаешь, что происходит, даже если всё плохо – можно действовать, искать выходы, шевелиться и не чувствовать себя такой... беспомощной. Обрушившиеся на меня нереальность и непонятность ситуации пугали до тошноты.

– Так, спокойно, – я попыталась взять себя в руки, вырываясь из наползающего липкого ужаса, – давай-ка, Кристина Геннадьевна, вспоминать всё по-порядку.

Последние бурные и непростые годы становления в бизнесе всё-таки наложили свой отпечаток на мой характер, закалив в нём бойцовские качества. За это время я прочно усвоила одну верную, собственно, потому и банальную истину: упал – нужно подняться и сделать первый шаг. Самообладание потихоньку возвращалось. Да и память, слава богу, не отшибло. Только очень мешало то, что тело уже буквально трясло от холода.

– Мы отмечаем мой юбилей. Светка, Лиза, Коля, ребятня... Дом. Лестница. Чердак. Сундук. Странный рисунок на полу... Это ж во что я вляпалась обеими ногами?

Сердце опять заухало под рёбрами, подбираясь к горлу с новым приступом тошноты. В голове вереницей понеслись воспоминания.

– Мамочки, так вот о чём так настойчиво талдычил старо-

ста деревни! Неужели правда?! – по спине прокатилась волна мурашек, правда уже не от холода.

Вообще-то я всегда была далека от всяческих гаданий, бабок-целительниц, заклятий-проклятий и прочей мистики, полагая всё это несусветным бредом и считая, что в настоящей очевидной вещественной реальности и так есть чего познать.

В насупившем же моменте эта самая жизнь грубо опрокидывала все мои представления о ней.

– То-то хозяин этой хибары сперва не поверил, а потом практически уронился в восторженный обморок, когда я всё-таки добилась от Степаныча номера его телефона и позвонила с предложением купить это заброшенное имущество! – продолжала восстанавливать цепочку событий я. – И как спешно согласился на первую же озвученную мною сумму. Бли-и-ин, не зря говорят: "дешёвая рыбка – поганая юшка". Вот же хрен плюгавый – ведь ни слова не сказал, гад! А деревенские-то знали и отговаривали. Особенно сокрушался кряжистый пожилой староста – Андрей Степаныч. Вот же дурында, нет бы послушать старых людей...

Додумать я не успела.

В комнату, обгоняя нарастающий за дверью гул голосов, ворвался светленький кучерявый мальчишка лет пяти.

8

– Таюшка, ты проснулась! Ты услышала! – ребёнок бросился к кровати и обхватил меня тёплыми ручками, с тревогой и надеждой заглядывая в лицо.

Тело тут же отозвалось резыю.

– *Рёбра у меня что ли сломаны?* – подумала я, не сумев удержать стон.

– Прости, сестрёнка! – немного картавя испугался малыш, отдёргивая руки.

Если "Таюшка" на фоне внезапной боли я ещё пропустила, то "сестрёнка" уже зацепила сознание. Мысли замесались, как вспугнутая дворовой кошкой стайка воробьёв.

Опыт прожитой жизни во всю семафорил: молчи и слушай, собирай информацию и делай выводы. Но пацанёнок был так искренне напуган и расстроен своей неловкостью, что, заглянув в его распахнутые глазищи, готовые пролиться виноватыми слезами, не выдержала.

– Не расстраивайся, всё ... кхе... в порядке, – вымучивая улыбку попыталась утешить его я.

Прозвучавший голос напугал даже меня. Карканье старого больного ворона показалось бы сейчас мелодичнее. В горле отчаянно засвербило, оно буквально слиплось. И пришла жажда. Точнее я, наконец, обратила внимание на то, как сильно хочу пить.

Ситуацию спасла появившаяся в дверях невысокая полноватая круглолицая женщина в простом длиннополом серо-коричневом платье, фартуке и прятавшем волосы чепце.

При своих габаритах, она была удивительно подвижная, плавная и какая-то текучая, что ли, – как ртуть. Или как ледяная белица, которая скользит по зеркальной глади с невообразимой грацией, и никто не замечает, как быстро-быстро она работает под водой лапками.

– Сейчас, детонька, – пампушка проплыла к окну, заполняя пространство жизнью, и распахнула шторы.

Глаза резануло солнечным светом. Я опять закашлялась.

– Водички? – участливо спросила она, бросаясь к столику со стоявшим на нём кувшином.

Я опять разлепила веки, повернула голову и осторожно кивнула, не решаясь больше издавать звуки. Со лба на правый глаз тут же съехала почти сухая уже тряпка, которую я и заметила только из-за этого.

– Сейчас-сейчас. Очнулась моя детка, – причитала женщина, приподнимая мою голову и по глотку вливая спасительную воду в рот.

Боже мой, никогда ещё простая вода не казалась такой вкусной, такой живой.

А комнату тем временем заполняли какие-то люди.

Седоватый худощавый мужчина лет пятидесяти, растерянно улыбаясь и моргая мокрыми глазами, порывисто присел на табурет, стоявший возле кровати. Затем, как будто то

ли не зная, куда себя деть, то ли стесняясь переполнявших его эмоций, огляделся по сторонам и притянул к себе мальчика.

– Вот видишь, Тео, наша Таис проснулась. Я же говорил тебе – она сильная. Теперь всё будет хорошо. – крепко-крепко прижимая к груди малыша, горячо зашептал он ему на ухо.

Голос его всё-таки подвёл – сорвался, и мужчина, судорожно всхлипнув, мягко подхватил мою руку и осторожно поцеловал. В ладонь упала тёплая слеза.

Я ничего не понимала. Но тоже жутко захотелось заплакать. Столько душевности и переживательности исходило от этих людей. Ото всех, кроме горделивой блондинки, стоявшей за его спиной. В её глазах читалось, пожалуй, лишь облегчение.

– Прости меня, дочка, – руки мужчины дрожали, губы не слушались, – я так мало был с тобой. А потом... потом так испугался тебя потерять...

– Пойдёмте, Рауль. Таис необходимо отдохнуть. – не допуская прений тоном заявила блондинка и, шумно зашуршав юбкой, подалась к двери.

– Да, дорогая. – погладив меня по волосам, мужчина поднялся вслед за ней, увлекая за собой оглядывающегося пацанёнка.

– Сейчас, детка, я бульон согрею и покормлю тебя. – пышечка поправила одеяло и тоже потекла на выход.

Я облегчённо выдохнула. Правда ненадолго. Не успела я не то, чтобы переварить, а даже рассортировать полученную информацию, как в комнату, в сопровождении измождённой худощавой женщины, вошёл пухленький дядька в строгих брюках и жилетке, опасно натянутой на круглом пузике.

– *Мамочки, оставьте меня в покое!* – мысленно взмолилась я, отвернула голову и закрыла глаза, не желая больше ни в чём участвовать.

Но мужичок, который оказался доктором, даже и не думал отставать. Он деловито пощупал мой пульс, поднимая пальцем веки, в один за другим заглянул в глаза. Потом медленно повел вдоль тела руками, и я заметила – или мне почудилось, мягкое голубоватое сияние исходящее от ладоней.

Впрочем, ничего чудотворного с моим телом не произошло. Было некоторое неприятное ощущение прощупывания. А я вообще не люблю, когда меня без разрешения трогают.

– *Экстрасенс ты, что ли? Я уже ничему не удивлюсь.* – мысленно ворчала я на доктора – он меня откровенно раздражал, – *А чего тогда девочку не спас, раз руками вот так водить умеешь?*

– М-м-да, – недоумённо пожевав губами, сам себе сообщил эскулап, – феноменально. Невозможно, но – факт.

Дядька встал столбиком перед кроватью, сцепил толстенькие короткие колбаски пальцев, уложил их на животе и

установился на меня внимательным изучающим взглядом. Он был явно растерян и удивлён. Даже изумлён.

По-моему он никак не мог определиться с ответом на вопрос, почему я до сих пор дышу.

Тётка неопределённого возраста и внешности, которая его привела, тихой статуей замерла в углу, не подавая признаков жизни.

Ещё немного пожевав губами и "пом-м-дакав", доктор покинул комнату, на ходу давая указания последовавшей за ним женщине.

Затем опять вернулась добрая пышечка и принялась кормить меня тёплым жидким бульоном. (Разбавила она его что ли?) В животе заурчало и, если честно, ещё сильнее захотелось есть. Но я, таки, даже немного согрелась.

– Ты ж моя девочка, ангелочек мой, – приговаривала тётка, ловко, но мягко подтягивая меня повыше на подушки. Чувствовалось, что сиделка она бывалая. Наверняка не раз приходилось ухаживать за больными.

Из под одеяла появилось по пояс перетянутое бинтами... как бы это назвать, чтобы себя любимую не обидеть... ладно, и не будем обижать – просто худюсенькое тело с тонкими ручками-веточками в начинающих уже желтеть синяках и длинными пальчиками с короткими синеватыми ногтями.

– *Это я? Ёжик кот!* – кровь отхлынула от лица, - *В чём здесь вообще моя душа теплится?*

– Больно, Таюшка? – сочувственно всполошилась пампу-

шечка.

– *Страшно!* – хотелось ответить ей, но я сдержалась и на всякий случай кивнула.

– Надо покушать, детка, – нежно ворковала она со мной, как с ребёнком.

Вообще, женщина мне нравилась. Эта трогательная забота... Без надрыва, без слёз. Было очевидно, что связывает её с этой Таис нечто большее, чем просто доброе отношение к господской дочери – это сразу становилось понятно. Я бы даже заподозрила здесь какую-то прям материнскую любовь.

Она была бесконечно рада "воскрешению" своей подопечной. Но к ситуации в целом относилась философски. Как сильные духом простые люди. Это не значит, что они не переживают и не горюют – нет. Просто понимают, что одними слезами ещё никто ни одному горю помочь не смог, закатывают рукава и, скрепя сердце, делают то, что требуется.

Миловидное лицо её искрилось лучиками морщинок вокруг глаз. И знаете, читалось в ней ещё какое-то здоровое кокетство, что ли. Не путать с наигранным жеманством, которое, кстати, вполне можно было бы ожидать от той ... ну блондинки. Думаю, у особой противоположного пола эта позитивная, сердечная, улыбчивая тётка нарасхват. Она была прям живая. (Надеюсь, вы понимаете, о чём я говорю).

– Вот и хорошо, вот и молодец, ангелочек мой, – доносилось до меня грудное мурлыканье сквозь поток собственных мыслей, – сейчас в камин дров подложу и уложу тебя... бу-

бу-бу... А то ишь, монеты за тебя стрясла, а на дровах экономит... бу-бу-бу...

Кажется, меня неудержимо клонило в сон. При всей искренней благодарности к пышечке, единственное, чего сейчас желала больше всего на свете – остаться одной. Поэтому продолжала молчать, как рыба в пироге, что с лихвой компенсировала добрая женщина, бесконечно разговаривавшая сама с собой. Слава богу, собеседники ей были не нужны.

Как только чашка опустела, я "смежила веки", всем своим видом показывая, что умираю, как хочу спать.

– *Вот бы ещё разузнать, как её зовут?* – уже натурально засыпая, подумала я.

– Марлен, береги дрова! – послышался откуда-то издалека сварливый голос блондинки.

– *О! Спасибо.* – отметила про себя я и поддалась дрёме.

9

Спалось беспокойно. Перед глазами сумбурно неслись обрывки воспоминаний, событий, фраз. Помню, как переживала за близких, оставшихся там, в родном доме. Как рвалась утешить их, успокоить, рассказать, что жива. Мне, видимо, так сильно хотелось снова оказаться рядом с ними, что, по моему, я их даже увидела.

Кажется, снова приходила Марлен, опять уложила мне на лоб влажную тряпку. Я приоткрыла глаза, ощутив прохладу заботливых рук на висках, и снова провалилась в забытье.

Проснулась резко, с колотящимся сердцем и смешанным чувством облегчения и разочарования одновременно. С одной стороны радовало, что выбралась из кошмара, с другой – было тяжело осознать, что не туда, куда рвалась душа.

Опять захотелось поплакать. Всё окружающее казалось каким-то диким сюрсом. Но, всё-таки, я была слишком рациональна, чтобы так легко заподозрить себя в помешательстве. К тому же, в физическом плане всё подтверждало реальность происходящего. Всё то же тело, ручки, пальчики. Разве что ногти перестали отдавать синевой – в комнате заметно потеплело.

– *Ладно, Крис, давай попробуем пошевелиться и осмотреться.* – я потихоньку начала разминать руки.

Тело было онемевшее, слабое и слушалось свою но-

вую хозяйку плохо. Скорее всего от долгой неподвижности. Сколько же девочка пролежала в кровати?

– *Бр-р! А постель-бы сменить. И помыться не помешало бы.* – отмечала я, отодвигая одеяло.

Под ним обнаружили длиннополая сорочка – ветхая, не раз штопаная и грязная, и соответствующие всему остальному тощие ножки, хорошей, впрочем, формы.

– *Да чего ж ты такая худая, оспидя-а?! – с досадой подумала я, – Совсем тебя тут что ли не кормили?*

Повернулась на правый бок и попыталась приподняться на локте. Дохлый номер. В голове тут же зашумело, закружилось. Я опять опустилась на подушку и натянула одеяло.

И тут меня разодрала злость.

– *Нет, ну с этим однозначно надо срочно что-то делать.* – пытала про себя я, – *Никогда Михалёва вот таким безвольным поленом не валялась.*

– *Так, с рёбрами понятно. Но ведь не это из девочки дух вышибло. Наверное было повреждение внутренних органов. Как вот тут догадаться, если ты не медик и даже не участник самого момента травмы? И на вопрос " что болит?" можно смело отвечать – "всё болит, ничего не помогает"!*

– *Ну ладно, не всё болит,* – я, успокаиваясь, прислушалась к своим ощущениям, – *лёжа так вообще нормально. И аппетит есть. И бульон прижился в организме, я б и ещё не отказалась чего-нибудь погрызть. Значит, внутренности ра-*

ботают, а слабость и головокружение – от голода, обезвоживания и долгой неподвижности.

– Интересно, сколько мне теперь лет? Ладно, это вот всё надо срочно приводить в порядок. – теперь я уже прям ждала свою пышечку, но она не шла. И никто не шёл.

– Нет, да? – я ещё раз с надеждой глянула на заботливо прикрытую дверь, – Тогда так, пока хотя бы комнату изучу.

Шторы опять задёрнули, но сквозь них всё ещё пробивались лучи явно клонящегося к закату солнца.

– Ого, это я до вечера продрыхла? Та-ак, подушка, судя по ощущениям, явно не пуховая... и, – я приняухалась, – видимо, древняя. Всё здесь какое-то древнее, провонявшееся запахом кислятины, пыли и ветхости.

– На потолке деревянные балки, – я подняла глаза вверх, – люстры нет. Зато есть светильник. Правда без свечек.

– Стены неровные, серые, похоже, просто каменные. – я скосила глаза влево, – На моей – невнятный дряхлый гобелен. В дальнем углу вижу крепкий сундук, окованный железом и прикрытый замызганной шкуркой неведомой зверушки. Больше пока не разглядеть. Главное, в комнате есть камин! Я всегда была мерзлей. Однако, похоже, с дровами тут напряжёнка, судя по недовольному окрику блондинки, услышанному мной уже почти во сне. Интересно, кто она мне?

Мысли перетекли на людей.

– Явно чувствуется хозяйская статъ. И одета красиво. Правда, потрёпанно. Странно это всё... А Марлен – молодец. Раз камин всё-таки горит – значит умеет она противостоять барской воле. Хотя, судя по интерьерчику и фасонам одежд, меня явно занесло в глухое средневековье. А значит, слугам здесь не очень-то позволительно вольничать. Но пампушечка явно не обычная бессловесная прислуга в этом доме, как, например, та вторая, которая доктора привела. Есть у Марлен в этом доме некие преференции. Факт. Да и характер чувствуется – кремень. Ладно, разберёмся.

– Теперь мужчина. Как она его назвала? – я наморщила ум, вспоминая подробности встречи, – Рауль. Да. Кстати, мой отец. Неоднозначное впечатление. С одной стороны видно, что дядька добрый, сердечный, но вот это его смиренное "да, дорогая"... Это же караул! Взрослый мужчина, а ведётся, как телёнок... Не знаю, по-моему, в Лизкином сыне характера больше, чем в нём. Крутит им блондинка, ой крутит-ит. Как хочет. Обидно за мужика. Человек-то хороший. Но безвольный какой-то. Как надломленный. И дочку любит, но внимания ей явно не уделял – сам признался. Или у них тут так принято? Ничего не помню толком про эту эпоху.

– А мальчишечка-то какой хорошенький. Беленький, кудрявенький, лучезарный. Как Маня Светкина... – вспоминание царапнуло по живому, – Эх, братишка, надо же... пред-

ставляешь, Крис, у тебя теперь есть брат. Тёпльшико маленькое.

Опять захотелось пить. На тяжёлой, простой, как квадрат Малевича, табуретке возле кровати стояла кружка с водой. Кряхтя приподнялась, попила и с шумным выдохом откинулась на подушку.

– *Что ж тут так воняет?* – досадливо поморщилась я, – *О! Стоп! А я-то, я-то кто такая? Графиня? Баронесса?* ("О как размахнулась!" – хихикнул внутренний голос.) *Не, ну а что? Сплю на кровати – не на сундуке каком, комната вот своя с камином, дочь хозяина, прислуга даже имеется. Хотя, Марлен вообще язык не поворачивается прислугой обзывать. Ну, не барских мы кровей, не барских.*

– *Однако блондинка – явно не моя родительница. В пампушечкиных глазах вон в сто раз большие материнской любви ко мне светится. Как бы это всё поаккуратнее разузнать? В лоб-то не спросишь – чего доброго сочтут ненормальной, да в дурку сдадут. Интересно, есть у них здесь психушка? Наверное, всё-таки, при церкви какая-нибудь богадельня имеется.*

– *Короче, косим, Крис, под амнезию. Имеет право покалеченный ребёнок на амнезию, в конце концов?! Ещё бы вот в зеркало на себя посмотреть... Блин, что-то прям боязно. – честно призналась себе я.*

В этот момент наконец-то пришла запыхавшаяся Марлен:

– Проснулась, детка? А я вот тебе ещё бульончику принесла.

– А мяса нет? – робко скрипнула я и опять закашлялась.

Надо было видеть её глаза. Крепкая нервами тётка, видеть, не на шутку озадачилась.

– Нету сегодня...

– *А с чего тогда бульон?* – возник в голове резонный вопрос.

– Да и нельзя, миленькая. Я ж тебя неделю толком накормить не могла – а ну как кишки скрутит. Этого вот нам и не хватало – только-только очнулась же. И доктор запретил пока... Я тебе утром в бульон яйцо забью. – немного помолчав, сжалилась она надо мной.

– *Ну ладно,* – про себя подумала я и кивнула, – *может она и права. У неё явно опыта побольше моего в этих делах.*

Хотя есть хотелось, как здоровой.

Скормив мне такой же жидкий, как и утром, бульон (Где ж тут поправишься? Я уж молчу про потолстеешь.), моя спасительница собралась, было, уходить.

– Марлен, – окликнула я её (после горяченького голос всё-таки прорезался), – а можно поменять мне постель? И помыться...

Я осеклась, глядя, как вытягивается это круглое миловидное лицо.

– Ну хотя бы обтереться, – добавила я уже почти шёпотом, совершенно искренне не понимая, что не так.

– Детка, – пышечка обеспокоенно потрогала мой лоб, – так что же, прямо сейчас постель менять? Так и месяца же не прошло...

– *Чего?* – подумала я, – *Месяца?* Так ото ж оно и воняет всё.

– И мачеха твоя (я сделала в голове пометку) заругается. За дрова-то вон весь день поедом ела, а за постель и вовсе со свету сживёт! – ворчала тётка.

– Марлен, пожалуйста, мне плохо в этих пропитанных потом и болезнью простынях.

– Ну... не знаю, – она была явно расстроена и растеряна, – не знаю.

– Нянюшка, миленькая – вырвалось у меня и я от неожиданности сама обалдела.

Так, значит, какую-то память Таис мне всё-таки оставила.

Первый раз за всё это время я увидела, как дрогнуло её лицо.

– Ладно, отобьюсь. Не в первой, поди. – Марлен поджала губы, сдерживая подступающие слёзы, и со вздохом пошла выполнять мою просьбу.

Я её честно зауважала. Совесть грызла за то, что подставляю хорошего человека под хозяйский гнев, но находиться в таком свинстве было не вмоготу.

Первые страх и растерянность, притуплявшие восприятие бытовых моментов, схлынули. На их место пришло физическое ощущение себя в этом месте. И для меня, щепетильной в вопросах чистоты и благоустройства личного пространства, это было ужасно. Тело начинало отчаянно зудеться во всех местах, от запахов тошнило, я сама себе сейчас была противна. В таких условиях вряд ли возможно было бы уснуть.

В общем, с грехом пополам, стараясь производить как можно меньше шума, мы (ну как мы... в основном, конечно, Марлен) навели приемлемые, максимально возможные санитарные условия.

Принесённые ею простыни тоже были не ахти какие – сыроватые и самую малость отдавали... ну вот этой, собственно, сыростью, но этот запах я вдыхала уже почти с удоволь-

ствием. С облегчением – это точно. Да уж, всё познаётся в сравнении.

Вопросов было много, но задавать их я не спешила. Во-первых, понемногу всё само собой начинало проясняться. Во-вторых, я очень надеялась на то, что "нянюшка" – это не единственное, что достанется мне от воспоминаний девочки.

В тазу с водой, принесённом Марлен, я попыталась было разглядеть отражение. Но пышечка без конца полоскала в нём тряпку (не забывая комментировать свои действия и ситуацию в целом), и в водной ряби разгляделись только ярко-голубые глаза и очертания тонкого лица.

Ещё у меня были ужасного цвета волосы. Правда, густые и длинные. Тем сложнее и больше оказалось их разобрать. Оттенок называется – "никакой". С этим потом тоже придёт-ся что-то делать.

В эту ночь я спала спокойно. Нервная система, видимо, слишком устала от потрясений и скомандовала всему организму отключиться, что я и сделала.

Утром меня разбудил аромат традиционного уже бульона с плавающими в нём обещанными нитками вбитого яйца.

– Э-эх, детка, тяжёлые времена настали. Пока старый барон(!) жив был, так и дом был – полная чаша, – приговаривала моя нянька, ловко потчужа меня своим бурдомесом, – и мясо каждый день, а по праздникам – так вообще стол – горой. И приёмы всякие, и веселье.

Я наострила уши, впитывая каждое сказанное ею слово.

– Хороший был человек, и хозяин крепкий. Во где у него эти старосты-лиходеи были! – женщина сжала крепенький кулачок, показывая, где конкретно находились у прежнего хозяина эти самые лихоимцы, – А теперь что?..

Марлен насупленно замолчала. Я подняла на неё глаза, побуждая продолжить рассуждения.

– Теперь всё, – отвечая на мой взгляд продолжила она свою мысль, – пока ещё маменька жива была, господи, упокой её светлую душу, так ещё худо-бедно держались. Не шиковали, но добро жили. А как не стало её – так всё и покапилось под откос.

– Ну а уж как Лаура в доме появилась, так и вообще худо стало – всё в раздрызг! – начинала в пол голоса горячиться моя кормилица, – Какой чёрт только прнёс эту ... в наш дом! Охомутала, змея, барона и давай тут свои порядки наводить. Сама-то вон и не дворянка даже, родители у неё зажиточные, да не родовитые. Но больно уж ей, видать, в баронессы захотелось. Как уж она к нему прибилась – никто и не знает. Только барон после смерти матушки твоей совсем растерялся – сам не свой ходил. Вот и поддался. Тебе добра хотел, а вон оно, как всё вышло...

Я растягивала свою жидкую еду как могла, лишь бы подольше послушать няньку.

– Так и давай она последнее транжирить, – опять полыхнула Марлен, – на наряды да побрякушки. Догляду за хозяйством – никакого, вот и дожили до того, что мясо в барон-

ском доме через день подают, на дровах да на свечках экономят. Я уж молчу про то, чтобы убранство обновить, да гостей принимать. Тьфу ты, прости меня господи. А эта всё командует... Докомандовалась, что уже и на себя денег не хватает, про тебя, мой ангелочек, и вообще разговору нет. Ну ничего, я ей тебя в обиду не дам. Ничего она мне не сделает. Ныпнется, поорёт с важным видом, да и пойдёт восвояси. Я уйду – так тут всё окончательно развалится. Даже она это понимает.

Пампушечка распалась всё сильнее, становясь похожей на аккуратный симпатичный заварной чайничек на самоваре. При всей миловидности образа, было понятно, что цену женщина себе знает и, в случае чего, и кипятком плеснуть может.

– Я тут с покон веков. Ещё тебя у молодой баронессы принимала, её выхаживала, да тебя кормила. Мой-то сынок мёртвым родился – на кухне надорвалась... – Марлен немного помолчала, справляясь с горькими воспоминаниями, – так бог деток больше и не дал. И мужа прибрал... А матушка твоя слабенькая была – одно слово, "голубая кровь". В родах выжила, да потом так и болела долгие годы. Так и зачахла.

Я взяла нянькину руку и прижалась к ней щекой. Очень хотелось хоть немного утешить эту добрую, много пережившую на своём веку женщину, беззаветно преданную Таис и этому старому дому.

Насколько я поняла – её здесь ничего не держало. Будучи женщиной добросовестной и порядочной, имея за плечами колоссальный опыт ведения хозяйства, она могла уйти в любой другой, более благополучный дом.

Подозреваю, что и зарплату им тут уже давно никто не платил – работали за крышу и харчи. Но, если та, вторая служанка (Жаннет, кажется. Или Жаклин... потом уточню) оставалась здесь потому, что ей некуда было деваться, то Марлен болела за Таис и барона со всем его баронством всей своей широкой душой.

Бульон давно закончился, а мы так и сидели с ней вдвоём. Тёплые пальцы мягко гладили по волосам. Марлен тихонько покачивалась, обнимая меня, задумчиво глядя в одну точку.

– Ладно, детка, – женщина поцеловала меня в макушку, выходя из оцепенения, – работать надо. И так засиделась с тобой. Пойду я. А ты ещё поспи.

– Марлен, – остановила её я, – Мне очень хочется походить, а одна пока боюсь. Как освободишься, приходи, пожалуйста.

– Конечно приду, ангелочек мой, только рано ведь ещё вставать – слабенькая совсем.

– Ну миленькая, хотя бы по комнате. Пожалуйста. Расхаживаться надо, а то так долго валяться можно, если даже и не пытаться.

– Ух как раздухарилась, – одобрительно покачала головой пампушечка, – значит и вправду на поправку пошла. Приду,

родная моя, конечно, приду.

Я максимально уютно угнездилась под одеялом, стараясь не тревожить повреждённые рёбра. Дышать было тяжело, но не так сильно, как в первый момент, когда я очнулась. Терпимо, в общем.

Вообще мне показалось, что я принесла в это тело свою жизненную силу, если можно так выразиться. Потому, что избитый организм, не смотря на более чем скудную еду, полную антисанитарию, царившую вокруг, и лечение молитвой и пиявками (следы от последних обнаружались у линии роста волос на шее), заметно креп.

Но поспать мне не дали. В приглушённый сумрак комнаты на цыпочках прокрался мальчишка. И я была ему очень рада.

– Таюшка, ты не спишь? – шёпотом спросил малыш.

– Нет, не сплю, – так же шёпотом отозвалась я.

– Я с тобой маленечко посижу? Можно? Я соскучился. Я тихонечко, чтобы матушка не услышала, а то опять заругает. – взволнованно заторопился, зачастил маленький Тео.

– Иди сюда, ко мне, – я протянула ему руку.

– Меня в комнату отправили, а я к тебе сбежал. – радостно хихикнул малец, и тут же стал серьёзным, – Ты прости меня, Таюшка, это же всё я виноват. Если бы не побежал на дорогу, тебя бы тот страшный конь и не затоптал.

Понятно теперь, что с девочкой случилось. – отметила про себя я.

Мальчонка уселся на табурет и положил светлую головку рядом с моей на подушку.

Так в душе защемило, так захотелось прикоснуться к этому мелкому чуду.

– Не переживай так уж сильно. Случается всякое. Ты не виноват. Ты просто испугался и растерялся, да?, – я с тихим наслаждением гладила пальцами тонкую кожу детской щеки, трогательные мягкие кудряшки.

– Очень, – признался малыш и тревожно спросил, – ты на меня не сердись?

– Нет, конечно, – поспешила его успокоить, – разве можно сердиться на такого хорошего мальчика?

– Я тебя люблю, – прошептало чудо, – больше всех на свете.

И немного помолчав, добавило:

– Только матушке не говори.

– Хорошо, – улыбнулась я, – это наш секрет.

К обеду пришла Марлен с чашкой угадайте чего? Но, на этот раз, о, чудо, к нему прилагался кусочек тощей, но от этого не менее божественной курицы! У меня от возбуждения, по-моему, аж руки затряслись.

Нянька потянулась за ложкой, но я её остановила:

– Давай-ка я сама уже буду хотя бы в этом себя обслуживать.

– Давай, детка, сейчас мы тебя устроим. – энергично взбив комковатую подушку, она приладила её мне под спину, помогая устроиться полусидя.

Быстро выхлебав бульон, я принялась смаковать жёсткое до невозможности мясо, отгрызая небольшие кусочки и долго-долго пережёвывая, практически расщепляя во рту.

А потом был променад по комнате. Марлен и я, вцепившаяся мёртвой хваткой в подставленную руку, медленно добрались до окна. Ноги дрожали, малодушно захотелось вернуться в кровать. Но сдать так быстро я себе не позволила.

– Нянюшка, а голову мне тоже отшибло? – спросила я, чувствуя, как она тяжелеет в горизонтальном положении и вспоминая, как болезненно было разбирать сбившиеся спутанные волосы.

– Ох, детонька, да чего тебе только не отшибло. Как жива осталась – это вообще чудо господне. А ты не помнишь, что

ли? – встревожилась женщина.

– Марлен, ты только не пугайся, но я и в самом деле кое-что забыла, – я осторожно начала готовить женщину к своей некоторой неосведомлённости в разного рода вопросах и деталях. И поспешно добавила, – но обязательно вспомню – ты только немножко мне помоги.

А потом и вовсе, чтобы переключить расстроено-растерянную женщину с этой непростой темы, обернулась к окну: – Смотри, какая красота вокруг! А давай окно откроем? – Таюшка, да как можно? Холодно ж ещё. – она буквально округлила глаза.

А за окном зацветала нежная весна. Солнце светило так ярко, что слезились привыкшие уже к постоянному полумраку глаза. И грело через грязноватое стекло так, что невыносимо захотелось на улицу. Но эта задача пока была мне явно не под силу.

– Ну пожалуйста, я же не дойду во двор, а дышать свежим воздухом нужно. Доктор ведь наверняка говорил? – пришлось пойти на маленький шантаж.

Марлен набрала полную грудь воздуха, закрыла рот и медленно выдохнула. В глазах её металось беспокойство. Она, склонив голову на бок, внимательно посмотрела на меня (в этот момент я клятвенно пообещала себе пореже озадачивать няньку нестандартными просьбами), и ,с силой толкнув намертво слипшиеся створки, распахнула окно.

Меня чуть не сбило с ног волной свежести и кислорода.

Стоял один из первых дней пока ещё не надёжного, но жаркого тепла. Когда воздух прогревается, и на улице становится теплее, чем в озябших за зиму каменных домах. Потом будут ещё и похолодания, и ветра, пока в свою власть не вступит лето.

Но сегодня был именно такой чудесный, ясный, пронизанный солнцем день. Окно выходило в запущенный сад. Снег ещё стоял не везде, постепенно обнажая прошлогодний, не убранный с осени мусор, сквозь который уже проросла трава и первые весенние цветы. На деревьях настойчиво пробивались почки, кое-где взорвавшиеся нежной листвой.

Я прислонилась боком к оконному проёму и зачарованно любовалась этим великолепием. Ветерком донесло аромат... сирени? Сами собой в голове всплыли строки:

Что за наряды нынче у весны —

Безумство, наваждение, дурман!

Ужели ей привычные тесны

Зелёный шёлк, лазоревый сафьян?!

Одежды выбирая на лету,

Она меняет каждый новый день

Метель шальной черёмухи в цвету

На пламенем объятую сирень.

– Ну да, оно и в самом деле немудрено было память порастерять, – буднично вырвала меня из романтического настроения Марлен.

Она в задумчивости стояла рядом и, видимо, всё это время крутила в голове озвученную мною новость о собственной амнезии.

– А денёк и в самом деле хорош! – женщина, наконец, ослабленно выдохнула, позволяя себе насладиться чарующим духом весны.

Я тоже развернулась к окну. Хотелось высунуться в него, но... рёбра не позволяли.

– Ну, ладно, на первый раз хватит, – прервала идиллию нянька, – ты вон уже на ногах еле держишься. А ну, давай в кровать. Потихоньку, не торопись.

Торопиться, впрочем, я бы физически не смогла, даже если бы меня об этом очень попросили – ослабевшие от отсутствия нагрузки мышцы предательски дрожали.

Но была счастлива уже хотя бы от того, что солнце продолжает светить, природа возрождается, в окружающем меня мире, кроме набивших уже оскомину серых, тёмно-зелёных и коричневых мрачных тонов, обнаружили и другие – яркие краски, а я уже встаю на ноги. Ну и что в комнате, наконец, стало свежо.

Так потихоньку я и осваивалась в новых, неожиданно свалившихся на меня, обстоятельствах жизни.

Мачеха и отец меня пока больше не посещали, чему я была несказанно рада.

Лаура, видимо, решила, что свой лимит сострадания она уже исчерпала и успокоилась на том, что я, в смысле Таис, вообще жива. Отец – не знаю почему.

Как-то из любопытства спросила об этом Марлен, но она только рукой махнула, привычно поджав губы. Допытываться не стала, решив не забивать пока этим голову – на сей момент ждали решения более срочные и важные задачи.

Всё моё общество составляли нянька и Тео, регулярно забегавший к "сестре", поделиться новостями и своими детскими переживаниями.

Домашние новости, в основном, сводились к тому, на кого и за какую провинность сегодня накричала баронесса и её причитаниям о том, мол, "как это нету денег на новый корсетик" и "как её, несчастную, вообще угораздило выйти замуж в такую нищету, в которой порядочной баронессе просто неприлично жить".

Вот интересно даже, о чём она думала, когда рвалась в этот "замуж"? И как-то уж совсем нелогично Лаура упускала тот факт, что без этого "замужа", она и не баронесса вовсе. В общем, ничего интересного.

Однажды уже под вечер ко мне прибежал перепуганный Тео.

Я успела искренне привязаться к хулиганистому, но доброму ребёнку. Его взволнованность моментально передалась и мне. Тем более, что обычно он посещал меня днём, и сегодня уже забегал.

– Малыш, что случилось? – я не на шутку переполошилась.

Ребёнок стоял посреди комнаты, зажимая под мышкой какую-то маленькую коробочку, и не решался ни подойти, ни озвучить то, что его так обеспокоило. Глазёнки его широко открылись – было очевидно, что он отчаянно борется с подступающими слезами.

– Тео, миленький, не пугай меня. Что произошло? Иди сюда, – я всё же уговорила мальчишку подойти и усесться ко мне на кровать, – ну давай, рассказывай.

– Марлен разговаривала... Я услышал... Таюшка...

– Ну, – подбодрила его я, – с кем разговаривала?

– Сама с собой, как всегда. На кухне.

– И что сказала Марлен, что ты так испугался?

– Ты правда ничего не помнишь? – решился, наконец, он озвучить мучивший его вопрос.

– Ну как, – растерялась я, – маленько кое-что забыла. Потому, что головой сильно ударилась. Но это пройдёт. Ты-то чего так боишься?

– А вдруг ты и меня забыла-а-а! – уже ревел малыш, уткнувшись в моё плечо, боясь посмотреть мне в глаза и увидеть в них что-то не то, – Что ты меня лю-у-би-ишь!

– Эй, – я осторожно подняла ладонями мокрую от слёз мордашку, – хороший мой, как тебе такое только в голову пришло? Как я смогла бы тебя забыть?

– Честно-честно? – с надеждой он заглянул мне в самую душу.

– Правда-правда, – не задумываясь ответила я.

– Та-айя-а-а!

Я уже ревела вместе с ним.

Сердце разрывало это неприкрытое детское горе. Как он вообще почувствовал подвох? Наверное, были у них с настоящей сестрой какие-то тайные словечки или фразочки, о которых я не могла знать. И он сперва подавлял в себе сомнения, растущие на фоне возникающих нестыковок, а теперь, услышав слова няньки, нашёл им объяснение, решив, что его Таюшка забыла своего братика и как они любили друг друга.

– *Мамочки, а ведь он прав, – думала я, баюкая маленького котёнка на руке, – детское сердце не обманешь. Нет, что бы не говорили – никак не обманешь.*

На глаза попалась принесённая им коробочка, съехавшая из под мышки на подушку.

– А что это у тебя такое?

– Это? – Тео отвлёкся от своих переживаний и таинственным тоном сообщил, – мой тайник.

– А-а-а. – поддерживая игру, в тон ему протянула я, – Покажешь?

– Покажу, – хлопая носом, серьёзно ответил он, устанавли-

ливая коробочку на табурет и торжественно открывая крышку, – у меня тут волшебная монетка хранится. Мне цыганка дала. Сказала, что я хороший, и монетка будет меня охранять.

Я затаила дыхание, слушая детские откровения.

– Я её тебе хочу подарить, – он порылся среди сушёных жуков, разноцветных осколочков витражей, камешков необычной формы и бог ещё знает каких мальчишеских богатств (я всё не успела разглядеть) и, наконец, извлёк из недр тайничка блестящую монетку с дырочкой и продёрнутой в неё верёвочкой.

– Тео, малыш, я не могу принять такой дорогой подарок – он ведь твой! Тебя оберегать должен! – у меня и в самом деле рука не поднималась забрать у ребёнка такую ценность, даже понарошку.

– Таюшка, пожалуйста! Цыганка сказала, что если украдут – горе тому принесёт, а если сам захочу подарить – то добро и мне и тому... ну, тебе будет.

Я взяла в руку монетку, внимательно разглядывая рисунок.

– Ну вот, – почти успокоился парнишка, – теперь ты меня никогда-никогда не забудешь.

– Я тебя и так никогда-никогда не забуду, – обняла я его, прикрывая глаза и вдыхая запах детской макушки, – что бы ни случилось.

** Автор стихотворения Чернышов Леонид.*

Вчера опять приходил доктор, добросовестно отработывая герцогские монеты. В очередной раз поводил руками, погрыз недожёванные с прошлого посещения губы и снова промолчал.

– *И?* – с немым вопросом подняла я на него глаза.

Эскулап смутился под моим прямым взглядом, пожал плечами и ушёл.

– *Ну и ладно.* – Подумала я, – *Сами разберёмся.*

Потом у Марлен переспросила, что он вообще говорит о моём состоянии и что рекомендует делать. Нянька подтвердила мои подозрения о том, что местный Пилюлькин и сам не ожидал такого фантастического эффекта от пиявок и "благотворных жидкостей" и упирает на то, чтобы продолжать в том же духе. Ну и молиться, конечно же.

Из сбивчивых пояснений няньки я сделала вывод, что эскулап находится под впечатлением от древней доктрины о медицине, как о науке о восстановлении жизненной энергии. Смутно помнится что-то такое... про жидкие среды в организме, их равновесии, бла – бла – бла и лечении больного, основанном на выборе питания в зависимости от соответствия пациента одному из четырёх типов темпераментов.

Когда-то попадалась на глаза статейка про это, но я даже вникать не стала. Ибо муть полная, на мой взгляд.

Таки, доктор, вероятно, свято уверовал, что мне полагается исключительно жидкая пища. С чем я была уже категорически не согласна. Марлен, впрочем, тоже. Поэтому, мы втихаря решили порушить всю его стройную систему и кормить меня человеческой едой.

Чувствовала я себя уже довольно бодро. Имеется ввиду, острая боль отступила. Но здравый смысл твердил, что это впечатление обманчиво – не так-то быстро срастаются полomанные рёбра. И, не смотря на заметное облегчение, остаются пока очень хрупкими.

Поэтому, требовалось соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не навредить идущему на поправку (особенно после нормализации рациона) организму. Хотя валяться в постели становилось труднее с каждым днём.

Хотелось движения, физической нагрузки. Я бы с удовольствием хлопала на весеннем солнце подушки и делала уборку, но поднимать тяжести и махать руками было ещё тяжело, слишком опасно, да и элементарно не под силу.

Поэтому я в любой возможный момент просто ходила. Без надрыва, сверхнапряжения и резких движений заставляла себя вставать – чтобы укреплялись мышцы, усиливалось кровообращение, работали внутренние органы и прочая, и прочая... Остальное доделывали молодость и моя родная, привнесённая жизненная сила.

Сперва по возможности эксплуатировала Марлен, потом потихоньку сама. Никаких великих знаний по медици-

не у меня не было – угораздило в своём мире родиться на редкость здоровым человеком. Однако, все воспоминания о случайных разговорах или статьях, связанных с этой темой, наводили на мысль о движении.

Короче, одно я для себя усвоила чётко: хочешь встать на ноги – вставай. Вот такая банальщина.

Было бы неплохо восстанавливать мышцы в бассейне. Но, увы и ах, такой роскоши в этом доме пока ещё никто не придумал. Поэтому, сперва – дыхание, потом – хотьба, а там и осторожные упражнения. Силы потихоньку возвращались.

Помню свою первую прогулку по дому. Было жутко любопытно посмотреть на это средневековое жилище.

На первом этаже располагался достаточно большой холл, в котором, думается, предполагалось принимать крестьян и простолюдинов.

Ткани (некогда яркие и насыщенные, а теперь выцветшие до непонятных сливающихся оттенков), покрывавшие стены уже давно требовали замены, как и многое другое в усадьбе.

Большой камин в резном каменном обрамлении. Очень красивый – я надолго задержалась возле него, впечатлительно прикасаясь руками к завиткам монументальной конструкции. На дальней стене – потемневшая деревянная панель с замысловатым рисунком.

От изучения её меня отвлек стенной шкаф – встроенные в камень полки для хранения документов и книг. А, понятно, это место, где сидел сеньор.

Над холлом первого этажа располагался верхний большой, когда-то изысканно украшенный зал, к которому вела винтовая лестница. Здесь старый барон принимал своих высокопоставленных гостей.

Приятной неожиданностью оказалась ведущая сюда же внешняя лестница – чтобы оказаться на улице можно было не идти через весь дом. А подышать кислородом можно было вообще не спускаясь вниз – на широком балконе.

За пределами верхнего холла располагались частные покои барона и членов его семьи. Но соваться в двери я не рискнула – не хватало наткнуться на жильцов. Потом попрошу Тео рассказать мне обо всём поподробнее.

Путешествие по мрачной обители разочаровало. Я бы с удовольствием и интересом побродила здесь в порядке ознакомительной экскурсии, если бы потом меня ждала уютная квартира. Но мысль о жизни в такой унылой обстановке навевала тоску.

Я шла по пустынным пыльным коридорам и задавалась вопросом: как изначально читаемо-добротное поместье можно было довести до такого ущербного состояния? В доме было тихо. Я вообще не видела слуг.

– Понятно, хозяйство в упадке, платить за работу нечем – вот люди и разбежались. – шевелились в голове невесёлые рассуждения, – Всю эту махину теперь просто некому обслуживать. Интересно, сколько их осталось, кроме Марлен и той второй... Жаклин. А нянька здесь, видать, вообще и

за себя, и "за того парня" – и отец, и женец, и на дуде игрец...

Я уже совсем было "наострила лыжи" в свою комнату, как на лестнице неожиданно столкнулась с баронессой.

– Таис, нам нужно поговорить. Мне есть, что тебе сообщить. – критически оглядев меня заявила она и, взмахнув пышной юбкой, направилась в холодный зал. Предполагалось, видимо, что я проследую за ней.

– Ну ладно, – пожала плечами я, – послушаем, что вы имеете мне сказать, дорогая мачеха.

Лаура подошла к окну и замерла, задумавшись. Видимо, подбирала слова. Я не торопила.

– Мне нужно сообщить тебе хорошую новость, Таис, – сказала женщина.

– Угу-м, конечно, – мысленно насторожилась я, – именно с таким выражением лица, предисловием и интонациями обычно и сообщают "хорошие" новости.

– Я вижу, что ты идёшь на поправку. Это очень хорошо.

– Сложно оспорить, – про себя усмехнулась я, – ну, давай уже к делу.

– Я подыскала для тебя хорошее место. – она чуть развернула голову в мою сторону и слегка замешкалась, как будто подслушала мои мысли, – Мне удалось убедить герцогиню Жозефину Мари Габриэль дю Сен-Марк де Шамбор принять тебя в свой дом в качестве личной фрейлины.

Сказать, что я опешила – всё равно, что промолчать.

– Оба-на! – полетели мысли, – А ты, барышня, совсем не

промах. Пока девочка валялась без сознания, пытаюсь выцарапать в эту жизнь, ты и моральную компенсацию срубил, и её уже пристроила какой-то Жозефине... ля-ля... де Шамбор. (В жизни не запомню это нагромождение имён.)

Я пока абсолютно не понимала, хорошо вообще вот это "фрейлинство" или плохо. Но опять перемещаться куда бы то ни было не имелось ни малейшего желания – я здесь-то ещё толком не освоилась. И, пока мачеха монотонно гудела на одной ноте что-то про "весьма почтенный дом", "оказанную честь" и как я "должна быть благодарна и счастлива", спешно собиралась с мыслями.

– Как только ты почувствуешь себя вполне здоровой... Та-ис, ты меня слушаешь? – в этот момент Лаура повернулась боком, солнечный свет, льющийся в давненько не мытое окно, ярко осветил её и я получила возможность в первый раз разглядеть мачеху во всей красе. Тут на меня свалилось новое открытие.

Она была и в самом деле красива. Но поразило другое. Она не была моложава. Она была МОЛОДА. И эта морщина на лбу не являлась следствием возраста, портившим её прекрасное лицо. Скорее наоборот. Эта морщина и в целом выражение лица, добавлявшее ей лет – следствие дурного характера и наступившей неожиданно непростой жизни.

И её это, конечно, не оправдывает. Стервой в моих глазах она по итогу этого умозаключения быть не перестала.

– Да тебе годков-то от силы двадцать шесть. – при-

кинула я, откровенно разглядывая женщину, – *Это ты, девонька, будешь рассказывать, как мне жить эту жизнь? А чего ж ты, такая дельная да продуманная хозяйство-то баронское не уберегла?*

Кристина Михалёва начинала откровенно закипать. Срочно необходимо было остаться одной и всё хорошенько "переварить".

– Это все новости, баронесса? – опасно-спокойно спросила я и, не дождавшись ответа от захлебнувшейся недоумённым возмущением баронессы, можно сказать, невежливо покинула зал.

– Таис! – донеслось мне вслед. И что-то там про "неблагодарную девчонку".

– *Ой, не кидайте брови на лоб, и, как говорят в Одессе, не делай мне нервы – их есть ещё где испортить!* – на всех парах, насколько позволяло физическое состояние, я влетела в комнату и закрыла дверь.

– Нет, ну какова, лиса! – я мерила шагами комнату, – Так, надо успокоиться и без лишних эмоций оценить ситуацию. Давай-ка подумаем, могут ли меня выслать насильно? Это надо выпросить у Марлен. А если могут?! А как же Тео?! И вообще, кто такие фрейлины и чем они занимаются? Книжки читают? Крестиком вышивают? Таки я не умею... крестиком. Наряжают свою госпожу? А-а-а! Не хочу госпожу!

– Я же тупо ничего об этом не знаю. У кого тогда узнать все эти тонкости, чтобы не напугать? Точно, мне срочно нужна библиотека! В любом приличном баронском имении она должна быть. Надеюсь, найдётся там хоть какая-нибудь информация на эту тему.

– Блин, – опять запаниковала я, – вообще-то мало знать – надо ещё и уметь! Вот, мегера, подкинула задачку! Придётся до последнего изображать из себя немочь бледную, пока не разберусь, что к чему.

Я тяжело опустилась на кровать, осознав, что бегаю, как заведённая, уже наверное с час. Нервный адреналин подкинул энергии телу, но, как только он себя исчерпал – навалилась дикая усталость.

– А с какого перекугу Лаура вообще меня сплавить решила? – устроившись поудобнее, я, вдруг, успокоилась, – Во-

обще-то лишние руки в этом доме не помешали бы. Или Таис была настолько слабенькой, что её легче было сослать во фрейлины, чем кормить самим? А может она рассчитывает на будущую фрейлинскую зарплату? Что-то же им должны платить? И, возможно, даже одевать. А ещё, в идеале, замуж выпихивать с каким-нибудь нехитрым приданым.

– Короче, сняла мачеха с себя эту головную боль, под названием "почти взрослая падчерица". Да как ловко всё устроила! И ведь, наверняка, свято верит, что на всеобщее благо – вон как ошалела, когда я не выказала в ответ на её новость должного восторга. С другой стороны, и в самом деле хорошо уже то, что хотя бы не замуж за какого-нибудь старого хрыча – вот где голову пришлось бы поломать. Хотя, думаю, шикарная перспективка побрыкаться от мужа, назначенного кем-нибудь вышестоящим, у меня ещё впереди. Причём в самом ближайшем обозримом будущем. А дочь обнищавшего до крайней степени барона – не самая блестящая партия. Прынцева с конями не будет.

– Так-то, если сложить дебет с кредитом, баронесса, может, и не такая уж змея. Не самую плохую участь выхлопотала для падчерицы. А то, что ещё и с пользой для себя – так это не самое бесполезное качество. И мы его ещё обязательно используем. Для меня и барона она, конечно, напрягаться не станет. И, вероятно, даже для Тео. Но уж ради себя-то попу оторвёт. Надо только разобраться в каком

направлении.

Я задумалась о Лауре, вспоминая и сортируя всю скопившуюся на сей момент информацию о ней.

Молодая женщина, дочь зажиточных родителей – купчиха по-русски. Наверняка, малохольная мамаша, рассчёсывая роскошные косы дочки-красавицы, с раннего детства внушала девочке мысли о принцах и прелестях дворцовой жизни. (Ну, условно говоря.)

Но, видимо, принцы всё никак к ногам не падали, а замуж выходить давно было пора. (Насколько я помню историю – девочек в эти времена замуж выдавали довольно-таки рано. А Лаура окольцевалась, судя по возрасту Тео, только годам аж к двадцати.)

Поэтому, в конце концов, согласились и на барона. Однако, к тому моменту все молодые особи этого статуса, очевидно, уже закончились – разобрали менее привередливые невесты. Пришлось довольствоваться тем, кто остался – немолодым уже вдовцом, отцом Таис. Какая уж тут любовь-морковь?

А по факту ещё выясняется, что от баронства осталось одно название – розовые мечты о богатой жизни рассыпались в прах.

– И чего ж ты лапки-то свесила? – мысленно поинтересовалась я у мачехи, - Ну ничего, я тебя ещё заставлю тряпнуть родительскими генами.

Можно было бы объявить "потерявшей маму" мачехе

войну миров. Но мне, по здравому размышлению, показалось это не правильным.

Во-первых, я в любом случае не проживу в этом доме всю заново дарованную мне жизнь. Но здесь останется Тео. И этот дом должен стать для него как минимум сытым и тёплым. К тому же функционировать в этом ключе и без моего присутствия.

А ситуация такова, что барон от дел самоустранился. Выходит, что полномочия он имеет, но не имеет амбиций, хватки, да и, прямо скажем, желания вытаскивать своё наследство из болота.

Марлен, конечно, имеет желание помочь и тащит на себе всё подряд. Но какие полномочия у служанки? Так что надежды здесь ни на кого нет.

Ни на кого, кроме, как ни странно, Лауры. У неё есть и хватка, и возможности. Это во-вторых.

Да-да. Поразмыслив, я поняла, что не так уж она безнадежна, как показалось на первый взгляд. Хотя Лаура и сама пока об этом не знает. Ничего, мы и просветим, и научим, и поможем, и пинка, в случае чего, дадим. А войну... Ну что, дурное дело – не хитрое. Объявить – много времени не надо. Ломать – оно, знаете-ли, не строить.

Я думала об этой молодой женщине и понимала, что она кто угодно – избалованная девочка со внушёнными в отчем доме эфемерными идеалами светской жизни, самовлюблённая стерва, эгоистка. Но, по-сути, вполне себе земная баба, и

далеко не дурочка. Да не просто земная, а прям приземлённая. Судя по её предприимчивости в истории с устройством падчерицы, хваткой мачеха удалась явно в папу.

План мой строился на том, что купеческие корни, так явно выпиравшие в характере Лауры сквозь неумелые попытки "обарониться", легко не уничтожишь. Надо было только разбудить их и заставить осоловевший ум включиться.

Но для начала необходимо самой во всём разобраться, чтобы понимать, на какие "лыжи" потом ставить мачеху. А для этого придётся проводить глубокую ревизию баронского хозяйства.

Начну изнутри. Потом, как позволит здоровье, пробежимся по деревням – поглядим на каких хлебах проживают арендаторы. И так ли уж они бедствуют. На этот счёт, исходя из комментариев Марлен, имеются большие сомнения.

Уйду я из этого дома или нет, и когда именно – решать буду я. Но сперва здесь решительно нужно навести порядок. Нельзя Тео оставлять в таком бардаке во всех смыслах этого слова.

Как только план на ближайшее время созрел, я успокоилась окончательно.

За дело я взялась в тот же день. Начать решила с библиотеки. Мы с братом шли по дому. Тео радостно скакал вокруг меня, рассказывая о своих успехах на конюшне. Баронский конюх Стефан – крепкий, крестьянских кровей мужик, выполнявший здесь почти всю мужскую работу, – обучал маль-

чишку верховой езде.

Баронского сына здесь, похоже, любили все, кто хоть немного способен на это чувство. Да ласкового, смешливого ребёнка вообще трудно было не полюбить. Поэтому, на кухне его неизменно баловали самыми лакомыми кусочками и нехитрыми гостинчиками. А так же все, кто что умел, перефразируя известного классика, "учили понемногу, чему-нибудь и как-нибудь".

В общем, пока мы, наконец, дотелепались до искомой комнаты, я уже знала все последние новости.

И о том, как Стефан наколот "во-от такую-ую гору дров", и о том, что Марлен отругала вороватую помощницу по кухне за то, что она умыкнула несколько кусочков дорогущего сахара. А Жаклин опять пришлось перекраивать маменькино старое платье, чтобы оно снова стало модным, вместо того, чтобы заниматься стиркой. Матушка ругалась на неё за нерасторопность, потому что опаздывала к тётке Шарлотт.

Я мысленно делала пометки в голове. Но разбирать эту информацию будем позже. Сейчас – библиотека.

Которая дико меня разочаровала.

Я стояла посреди небольшой комнатки с двумя полочками, вмурованными в каменную стену, и обозревала лежащие на них книжки. Аж шесть штук. И всё не по моей теме.

– *Не, ну а на что ты рассчитывала?* – запоздало упрекала я саму себя, – *Увидеть здесь филиал российской государственной библиотеки имени Ленина? Надо ж было головой*

подумать, что в эти времена книги были безумной ценностью. Так что закатайте губу, дорогая баронесса дю Белле, к герцогине поедете полной "тундрой" в фрейлинских премудростях.

– Так, с обязанностями и правилами поведения фрейлин понятно, что всё непонятно. А где у нас находятся хозяйственные бумаги? – вслух рассуждала я.

Логичнее всего предположить, что в баронском кабинете. Интересно, насколько уместным здесь считается посещение отцовской приёмной юной баронессой? Хотя, это не так уж и важно. Правила приличий внутри дома, похоже давно стали понятием условным и весьма растяжимым.

И тут я вспомнила, где ещё могу найти документы по местной бухгалтерии. Во время своей первой прогулки по дому, я заметила похожие полки внизу, возле резной панели. Решила сходить сперва туда, а потом уже прорываться личный кабинет хозяина дома. Чем он вообще, интересно, занимается?

– Папа! – воскликнул Тео и побежал вперёд.

Навстречу нам нетвёрдым шагом действительно шёл барон. С помятым лицом, виноватыми глазами и застарелым амбре винных паров.

– *Этого только и не хватало,* – мысленно всплеснула я руками, – *теперь ясно, где он пропадает, почему отмалчивалась, поджисмая губы, Марлен, и отчего кругом разруха.*

Алкоголиков я не переношу с детства. Ни "тихих", ни "громких". Насмотрелась на брата сверего родного отца, ко-

торый считал своим долгом после каждого "приёма" оповещать об этом всю семью самыми причудливыми способами. А поскольку "закладывал" он крепко и регулярно, визиты дядюшки в четыре часа ночи, телефонные скандалы и регулярные побеги его жены, тётки Вали, вместе с дочкой Мариной, в наш дом, оставили неизгладимое впечатление в моей душе на всю жизнь.

Меня, прямо сказать, бесят слабовольные мужики, выбирающие это поганое "тряпочное" состояние как образ жизни, обрекая своих близких полной ложкой хлебать за собой горюшко. Самое гадкое, когда это видят дети. И что теперь делать с этим... с позволения сказать отцом? Эх, беда-беда. Час от часу не легче.

– Вот это реально проблема, – думала я, спускаясь по лестнице, – алкоголизм, к сожалению не излечим. И "завязать" больной этим недугом может только по доброй воле. Где ж барону найти достаточно убедительную мотивацию? Мало мне геморроя было, теперь ещё с этой дрянью что-то решать придётся.

Рауль, пряча осоловелые глаза, задал мне несколько ничего не значащих вопросов по поводу здоровья и удалился в свои покои. Устал, видимо, бедняжка, блин. Тем самым развязал мне руки и открыл путь в рабочий кабинет. Поэтому, я быстро сгребла всё, что находилось на первом этаже и со спокойной совестью отправилась в приёмную. Потревожить меня там в ближайшее время было просто некому.

Тео убежал по своим мальчишеским делам, а я, чихая и кашляя, пыталась отодрать створки окна хозяйского кабинета. Сил хватило только на одну. Спасибо и на том, потому, что дышать здесь было решительно нечем.

Судя по количеству пыли и скопившихся бутылок, это было баронское логово, где он, собственно, и лечил втихаря свои расстроенные нервы. И здесь давно не убирались. Пришлось сперва разгрести весь этот хламовник, и только потом уже заниматься поиском нужных документов и устроиться с ними за добротным деревянным столом.

Стол, кстати, оказался таким же резным и монументальным, как и камин первого этажа. Правда давно уже не использовался по своему прямому назначению.

– Трындец! Тихий алкоголик с комплексом вины в роли отца, мачеха – самовлюблённая стерва, убитое хозяйство, бардак, разброд и шатание – полный букет! – я, стараясь по-реже дышать, махала заваливавшейся в углу тряпкой, и негодованию моему не было предела, – Хорошо хоть Тео есть – луч солнца в этом тёмном царстве. И Марлен.

Оказалось, что в деловых бумагах ровно такой же бардак, как и во всём хозяйстве. Чего, собственно, стоило ожидать.

– Эх, Светка, тебя бы сейчас сюда! – думала я, потирая виски – от пыли, застоявшегося запаха алкоголя и каши в документах отчаянно разболелась голова.

Информация была разрозненна – никакой системы.

Поэтому, сперва долго пришлось просто сортировать

листки по категориям отражённой на них информации. Через три часа кропотливой возни, я поняла, что на сегодня пора заканчивать. Во-первых – голова уже просто не варила. А во-вторых – скоро ужин и меня могли хватиться. Но открыто заявлять о своём интересе к домашней бухгалтерии пока не хотелось.

Поэтому, я аккуратно сложила плоды своего труда в стол, закрыла окно и пошла в свою комнату. Думаю, барон даже не заметит следов моего присутствия в кабинете. Ему это просто не интересно.

После активной мозговой деятельности аппетит разыгрался зверский. Рауль всё ещё не появлялся из своей комнаты, мачеха к ужину в родной дом не доехала, очевидно, трапезничала у "тёти Шарлотт", поэтому, мы с Тео упросили нашу пышечку накрыть нам в моей комнате.

Марлен долго сокрушённо качала головой по поводу поведения наших родителей, а потом уступила нашей просьбе.

– Э-эх, всё не так... – ворчала она, устроившись рядом с нами с шитьём в руках.

– Тео, ты где так штанишки разодрал? – я решила, что сейчас доем и помогу ей. Уж элементарно штопать детские вещички я точно смогу.

– Это мы со Стефаном заборчик у курей чинили – я за сук и зацепился. – пробубонило дитё набитым булкой ртом.

– Правильно, – с тихим раздражением в пол голоса, как будто самой себе прокомментировала нянька, – сынок пяти-

летний забор чинит, а отец вон... Э-эх! Всё не так.

– А когда Лаура от своей Шарлотт вернётся? – повела тему я, отлично усвоив уже, что доброй женщине только повод невинным вопросом дай – она сама всю подноготную подробно расскажет. А мне стоило узнать об увлечениях мачехи поподробнее.

– Да кто ж её знает. Не стало стыда у людей. – попавшись на мою замануху ответила пампушечка и, как обычно, ненадолго замолчала.

В общем, как и ожидалось, после небольшой паузы няньку "прорвало" и тут уж она высказалась от души.

Из её эмоционального рассказа я узнала, что Шарлотт Лесаж – это давнишняя подруга нашей баронессы, и отношения эти зародились ещё в детстве.

Их родители, будучи почтенными представителями одного сословия, дружили домами. Девочки выросли, но связи не прервали. И совершенству этой "заклятой дружбы", как говорится, не было предела.

Внешне очень разные, барышни, таки, сошлись в характерах, без конца и края соперничая, стараясь хоть в чём-нибудь, да "переплюнуть" друг друга, то распуская слухи и ссорясь, то наоборот объединяясь в "дружбе" против кого-либо третьего... В общем, насыщенные "высокие" отношения.

Приятная лицом, немного пышнотелая, темноволосая Шарлотт раньше Лауры выскочила замуж за крепкого купца из наших же краёв, по имени Андре Лесаж. Мужичок ей

попался во всех отношениях приятный – жизнерадостный, такой же пухлявый, как и его молодая жена, весельчак и балагур, к тому же неприлично богат. Но одно тёмное пятно, по разумению наших барышень, на его светлом образе всё-таки имелось – не родовит. Андре не был дворянином.

На этом и решила сыграть Лаура, в попытках "обскакать" свою лепшую подружку. Что из этого вышло – вам уже известно, не будем повторяться.

В общем, "картина маслом": одна – с деньгами, но без дворянства, вторая – с титулом и голой, простите, попой.

И наша баронееса регулярно наезжала к своей подружке к обеду, нередко засиживаясь до самого ужина. Молодецкая! Правильно, зачем заботиться о том, чем кормят дома твоего мужа и ребёнка, когда у самой есть в распоряжении такой богатый купеческий стол.

Впрочем, сегодня баронесса вернулась домой злой и раздражённой.

Оказалось, что причиной огорчения Лауры стал роскошный новенький комплект украшений, подаренный подружке её заботливым богатым мужем. Выплеснув эмоции на бессловесную Жаклин, баронесса заперлась в комнате до утра.

Я ещё несколько дней занималась тем, что разбиралась в найденных бумагах. На моё счастье, удалось раздобыть толстый бухгалтерский талмуд, оставшийся от старого барона.

В столе кабинета обнаружился выдвижной ящик, запёртый на внутренний замок. Сделав ищейскую стойку, я перевернула всю приёмную и нашла-таки искомый ключик на самом видном месте – на полке (здесь она тоже была). Он не привлёк внимания сразу по одной простой причине – покрытый от долгого лежания пыльно-жировым налётом ключ слился с поверхностью и стал абсолютно неприметной деталью деревянной полки.

Почистив находку, я открыла ящик, где и обнаружилась толстенная тетрадь с записями. Это была моя точка опоры и большая удача. Потому, что теперь можно было получить информацию о том, как всё должно здесь быть на самом деле. Как правильно функционировало баронство во времена своего процветания.

Считать я умею, хоть и не люблю. В своё время мне – чистокровному гуманитарии, всё-таки пришлось тесно познакомиться с математикой хозяйства и бизнеса. Поэтому, я настроилась на волевые усилия со своей стороны и углубилась в разбор талмуда. Но, как ни странно, чтиво меня незаметно увлекло.

Я кропотливо сопоставляла "новые" отчёты с записями старого хозяина имения, и волосы на моём затылке начинали шевелиться. Цифры были несопоставимы. К тому же, обнаружили такие пробелы в статистической информации, что никак не складывалась полная картина ситуации. И, главное, в воздухе так и висел жирнющий вопрос – куда всё делось?

В хозяйственных счетах царил полный бедлам.

Поначалу попадались бумаги с неумелыми попытками барона создать видимость планирования бюджета. Но дальнейшие расходы неимоверно выпирали за рамки отведённых средств. Что же касается статей "прихода", так вот их как раз стало, как нынче модно выражаться, исчезающе мало.

По итогам своих исследований, я сделала вывод, что пора ехать и смотреть на всё хозяйство собственными глазами. Оставалось убедить доктора в необходимости длительных прогулок на свежем воздухе для выздоравливающей Таис, чтобы иметь законный повод выезжать из усадьбы.

Впрочем, сделать это было достаточно легко. Доктор уже ум сломал, что бы ещё выжать из себя, на предмет рекомендаций по части лечебных воздействий в мой адрес. Поэтому, охотно поддержал мою идею.

Царапины мои подсохли и, хоть и несколько пугали, но не представляли опасности. Однако отправить на службу – явно мешали. На чём я, к вящей радости Пилюлькина, освободила его от необходимости дальнейших визитов. Эскулап облегчённо выдохнул и испарился из поля нашего зрения с

концами.

Ну и слава богу. Не знаю уж, сколько там герцог отсыпал доктору монет, но, видимо, много. И если бы не моя "вольная", бедолага, наверное, ещё год не отстал от меня, вымучивая всё новые и новые заковыристые методики лечения. Изображать из себя болящую я прекрасно могла и без его непосредственного участия. Тем более, пока это вообще не представляло никакой сложности.

На следующий день я дождалась, когда баронесса изволил отбыть к тёте Шарлотт, оповестила Марлен о своём желании совершить прогулку и отправилась на конюшню.

У Стефана было слишком много работы, чтобы отвлекать его на сопровождение моей персоны. Но он с удовольствием отрядил своего сына на эту роль. Словоохотливого парнишку звали Бернар. Вездесущий Тео увязался с нами.

Приличной повозки нам не досталось – на ней укатила Лаура. Поэтому, хорошенько утепившись (всё-таки весна – не лето, пора обманчивая, а схлопотать к рёбрам ещё и сопли – малоприятная перспектива) и маленько благоустроив рабочую телегу старым мягким тулупом, мы отправились в своё небольшое путешествие.

Не смотря на окружавшую слякоть и серость опадающего снега, прогулка доставляла несказанное удовольствие. Просыпающаяся природа радовала глаз молодой зеленью, ясным небом и нежными красками первых цветов. Ехали потихоньку – чтобы не растрясись на ухабистом бездорожье. Сперва

я решила познакомиться с ближней деревней – той самой, где с Таис приключилось несчастье.

Братишке было трудно усидеть на месте, поэтому он без конца спрыгивал с повозки, завидев вдоль дороги что-нибудь любопытное.

То ему срочно надо было разглядеть старое птичье гнездо, которое уже начинали осваивать новые жильцы. То пустить щепку по журчащему по дороге ручейку. То нарвать любимой Таюшке букетик хрупких подснежников, кучками пробивавшихся на попадавшихся тут и там полянках.

Через час неспешной езды под щебетанье неугомонного Тео и комментарии Бернара въехали в деревню. Она производила приятное впечатление. Ухоженные дома, аккуратно одетые люди, которые неустанно кланялись и высказывали радость от моего выздоровления и пожелания доброго здоровья и благополучия. Разрухой и не пахло.

Совсем немного нищих возле церкви. Тут я со стыдом констатировала, что даже не имею возможность что-либо подарить им. Кроме дырявой монетки Тео, которую я теперь носила не снимая, у меня ничего и не было. Хотя, судя по спокойной реакции людей, такой милости лично от меня там никто и не ожидал.

Мы медленно продвигались по улочкам, а я пыталась понять, почему же такая добротная деревня не приносит доход?

Всё встало на свои места, когда я разыскала и решила

пообщаться со старостой.

Непутёвый, неряшливо одетый мужик с явными признаками запойного образа жизни, доверия не вызывал. Что ж это за хозяйственник, который себя-то в порядок привести не может? И кто его вообще назначил на такую ответственную должность?

По итогам наблюдений, сам собой напрашивался один единственный вывод: жителям Фуркево было удобно иметь на этом посту такую бестолковую фигуру. Этого растяпу обманывали сами деревенские, утаивая доходы и преуменьшая прибыли. Посему, это недоразумение со звучным именем Эдуар Кормье, приезжал к барону с почти пустыми руками, ссылаясь то на мнимый неурожай, то на несуществующий падёж скота.

Моё приподнятое настроение сдувалось на глазах. Эту ситуацию срочно нужно было менять коренным образом. И жители вряд ли обрадуются подобным переменам. Здесь всех всё устраивало в нынешнем виде.

С первой деревней всё было понятно. Углубившись в тяжкие думы я попросила сына конюха возвращаться.

Сопливаю девчонку, которой я и являлась на данный момент, при живом и здравствующем бароне никто даже слушать не станет. Двинуть инертного Рауля на трудовые подвиги по реорганизации хозяйства не представляется возможным. Поэтому, я ехала, занимаясь составлением тезисов для будущего разговора с Лаурой. Но сперва нужно было по-

сетить и вторую деревню, чтобы иметь более-менее полное представление о ситуации с арендаторами.

Приехав домой, в первую очередь снова залезла в старые архивы и обнаружила, что Фуркево заметно разрослась со времён старого барона. Это было видно невооружённым взглядом, даже без детального подсчёта домов и переписи населения.

То есть, пока баронское имение хирело под руководством, точнее при отсутствии одного от нового хозяина, деревенские со всей крестьянской хитростью и смекалкой прекрасным образом обрастали хозяйствами. Прелесть какая.

Нянька за время нашего отсутствия успела нас потерять и долго ворчала по поводу пропущенного обеда.

Впрочем, за поездку мы нагуляли такой зверский аппетит, что, аки чайки ливерпульские, дружно набросились на ждавшую нас еду. Чем быстро утешили обеспокоенную заботливую пампушечку.

Заезд на "второй объект" был запланирован мною на завтра. А сегодня я отправилась в комнату Тео, чтобы навести там порядок. У ребёнка обязательно должна быть уютная норка, в которую ему хотелось бы возвращаться.

Свистнув Бернара в помощники, я попросила его снять стоявшие колом невзрачные шторы, распечатать окно и при-тащить воды. Тряпки выпросила у Марлен и, не поверите, с удовольствием взялась за наведение чистоты. Здесь должно светить солнце и пахнуть ребёнком, а не это вот всё.

До самого глубокого вечера провозилась за отмыванием застарелой грязи – скаблила, шоркала и тёрла. Тем более, что двигаться приходилось неторопливо и осторожно. Загоняла с водой Бернара, которому ещё и хлопать сохнущую на свежем воздухе постель пришлось.

В общем, к исходу дня стояла на пороге детской, с удовольствием обозревая результаты труда. Чистая комнатка со свежим бельём, просушенными матрасом, подушкой и одеялом. Отремонтированный конюхом ящик для игрушек. Хоть и пустой, но симпатичный, надраенный до блеска подсвечник.

Без штор, конечно, совсем пустовато. Но я их просто не успела постирать. Завтра добавим уюта свежими занавесками и ковриком, который я заприметила на первом этаже. Никому он там не нужен, а здесь добавит тепла и комфорта. С утра постираю его да шторы, пока в деревню съездим – всё и высохнет. Там и закончим благоустройство ребёнской спальни. Пока закончим.

Уставшая, но довольная, спала в эту ночь – "без задних лап".

На утро поднялась ни свет ни заря и потащила с приготовленным тряпьем к колодцу. Что было логичнее, чем тягать воду в дом.

Вообще-то для стирки, как я поняла, здесь выделялся целый один специальный день в месяц. Иногда даже реже. Поскольку процесс этот был весьма трудоёмкий и длительный, а в обычные дни всем и так хватало хлопот.

В общем, сегодня со всей этой затеей, вооружённая ребристой доской, я торчала у колодца в гордом одиночестве.

Ничтоже сумняшеся, хозяйюшка в моём лице вдохновенно взялась за стирку. (Если подобный эпитет применим к понятию стирка, – хохотнул внутренний голос). Однако, любое самое простое физическое действие и в самом деле сейчас приносило радость движения и ощущение возвращающихся сил.

Правда, через некоторое время пыхания над потяжелевшей от воды тканью, энтузиазм мой слегка поубавился. Я капитально запыхалась и "почувствовала" рёбра.

Через некоторое время уже проклинала всё это средневековье, тихо чертыхаясь сквозь зубы. Становилось совсем понятно, почему эти шторы никто никогда не стирал. Стиралось, в основном, нательное и постельное бельё, а так же детские вещи.

Воду пришлось сливать несколько раз, с удивлением отмечая, как фисташково-серая материя занавесок превращается в нежно-зелёную. В конце концов, отмочив первую грязь, я решила ненадолго оставить шторы и коврик откинуть. А потом, для конечного рывка, опять привлечь безотказного Бернара.

Переворотив в голове все возможные обрывки воспоминаний, я пришла к гениальной идее заварить горчицу и ею достирать замоченные тряпки. Тут главное, насколько я помню, было не перегреть воду выше сорока градусов, иначе средство потеряет свою эффективность.

С этими мыслями я и отправилась на кухню выпрашивать у Марлен специю. А она здесь точно была. И, судя по относительно свободному доступу, не привозилась, а росла где-то неподалёку.

Так что ну её, вашу золу, я с ней и обращаться-то толком не умею. Даёшь горчицу! Нянька, конечно, удивилась, поохала, но сообщила, где она находится. Толочь пришлось уже самой.

В процессе приготовления стиральной смеси, я сделала небольшое, удивившее меня открытие. Подготавливая воду для состава, замеряла воду рукой. Так вот, к немалому изумлению, я откуда-то точно знала её температуру. То есть вот поднесу ладонь к ёмкости и чувствую, что, например, прямо конкретно сорок восемь градусов. Ерунда какая-то.

Наигравшись с водой, я всё-таки заварила раствор, тща-

тельно растерев комочки, и оставила его набухать и настаиваться. Затем замочила свою стирку этим нехитрым средством и опять оставила откисать.

В общем, намаялась я со своей затеей, но результат того стоил. Пусть не идеально, но значительно посвежевшие занавески с весёленьким деревенским ковриком рядком сохли на изгороди.

Провозилась, практически, до обеда. Поэтому, ребром встал вопрос, ехать ли сегодня, или отложить свою ревизию на завтра. Стефан отговорил. Вторая деревушка находилась значительно дальше, чем Фуркево, обернуться до темноты вряд ли бы успели.

Совість немного ещё погрызла за получившуюся заминку в делах, но здравый смысл всё же победил. Решила, что сегодня ещё пошустрю по хозяйству, а завтра с утра, без проволочек отправлюсь в дорогу.

Хотя, "пошустрю" – это, объективно скажем, я загнула. На шторках силушка моя богатырская и иссякла. Как бы я не бодрилась – работать в полную мощь пока не получалось. Поэтому, после обеда посидела ещё за штопкой, а потом отправилась в "библиотеку", полистать в порядке расширения кругозора и развлечения имевшуюся в наличии литературу.

Выбор мой пал на сочинение под названием "Деяния франкских королей". В начале своего труда автор безумно тяжеловесным языком описывал франкские предания (в том числе предание о троянском происхождении франков). Че-

рез час мучений, решив, что я уже достаточно просветилась и продолжать эту добровольную пытку не гуманно по отношению к себе, захлопнула почтенный фолиант и отправилась развешивать подсохшие шторы в комнатку брата.

Тео был в полном восторге от перемен. Хотя, кроме коврика, букетика сирени, прозрачности в окне и отсутствия грязи ничего нового в его спальне не появилось. Да вот ещё отстиранные шторы радовали нежной зеленью. Однако, на фоне остальной хмурой части дома, здесь стало очень даже мило и уютно.

Это была такая малость по сравнению с тем, что ещё предстояло сделать, но начало было положено. И награда, в виде искренне-благодарных поцелуев маленького Тео, грела сердце.

Я мысленно погладила себя по голове и тут же этой самой головой придумала, чем ещё можно оживить детскую и порадовать ребёнка.

Мелкому срочно нужна палатка-домик. Сперва хотела прям вигвам, но для этого пришлось бы испортить какое-нибудь полезное одеяло или отрез. А для палатки можно ничего не кромсать. Это ж мечта ребятешек всех времён и народов! Только сделать его надо обязательно сюрпризом.

Подхватив Бернара под локоть, я с заговорщицким видом потащила его к отцу на конюшню. Там им обоим объяснила, что мне нужен деревянный каркас. И подробно объяснила, что он из себя должен представлять.

Никаких особых затрат и сложностей в изготовлении возникнуть не должно. Внутри домика постелим свежестираный коврик. А одеяло, которое будем набрасывать сверху, потом вместе с братом украсим флажками и аппликациями. Моя задача – найти из чего их изготовить.

Утром следующего дня я, как и собиралась, выдвинулась в путь. Предстояло как минимум три часа трястись по подмороженной за ночь колдобистой дороге до деревушки Белем.

Тео с собой не взяла – после нашей предыдущей поездки у мелкого побежали сопли. Я сделала себе пометку в голове вечером погреть дитё у печки под пледом, если не поднимется температура, и, прихватив для верности покрывало, взгромоздилась в телегу. Бернар уже поджидал, очевидно, от скуки разговаривая с нашей спокойной лошадкой.

Раннее утро было хмурым и не очень-то располагало к оживлённой беседе. К тому же понимание того, что повод для поездки не самый приятный (обольщаться на этот счёт было бы глупо), настроения не добавляло. Поэтому, мы с моим извозчиком молча тряслись в повозке, погрузившись каждый в свои думы.

По дороге, кажется, даже задремала, спрятав нос в предусмотрительно взятый плед. Меня разбудило яркое солнце, когда уже практически подъезжали к пункту назначения.

Белем, в отличие от Фуркево, не производил такого же радужного впечатления. Ещё на подъезде я обратила внимание на как-то хаотично разбросанные поля. Для вспашки земля была ещё слишком мокрой, но границы предыдущих посевов всё равно уже можно было определить.

Сама деревня выглядела тоже не очень благополучно. Если Фуркево прям бросалось в глаза добротными хозяйствами, то здесь всё выглядело более, чем скромно. Народ кивал мне сдержанно, не задерживаясь на праздные беседы. Поэтому, пришлось просто искать, кого бы остановить, да расспросить поподробнее насчёт обстановки в селе.

Выбор пал на немолодую пару, тащившую тележку по обочине разбитой дороги. Моё внимание они привлекли внешним видом (одежка не богатая, но чистенькая и аккуратно штопанная – лохмоты нигде не висят) и более-менее светлыми лицами.

– Доброго дня, почтенные. – остановила я их, слезая со своего транспорта.

– И вам доброго, госпожа, – с достоинством ответствовали они, сопровождая свои слова небольшим поклоном.

– Не подскажете ли, где найти дом старосты? – спросила я прямо.

– Да как вот по улице дальше поедете, так и увидите. Ми-

мо не проедете – он у нас самый приметный. – с какой-то неоднозначной ухмылкой, которую не смогла укрыть от меня густая борода, сообщил мужчина.

– Что ж в нём такого примечательного? – насторожившись, рискнула уточнить я.

– Очень уж он от наших отличается. – помешкав, уклончиво ответил мой собеседник.

– Да жирует наш староста. – не выдержав, с прорвавшимся возмущением высказалась женщина.

Дальнейший разговор с крестьянской парой прояснил ситуацию. Сезар Симоно (так звали дядьку) уже не скрывая досады, с некоторым упрёком поглядывая на меня из-под кустистых бровей, прямо и открыто описал всю нездоровую ситуацию в селе.

– А на дальнем краю какой год почему поля простаивают, а? – горячился он, – их бы вон семейству Бушар отрядить – их полный дом народу, а землицы с гулькин нос. Базилу нашему, вишь ли неугодили. Да и Пьеру Дери не помешало бы. Он работающий – быстро надел в порядок приведёт. И людям детишек полегче кормить станет, и казне прибыток. А то налог плати, а с чего его высосать-то?

– А вон в том доме на окраине вдова с малым живёт. – подхватывала его жена, – А корова зимой издохла. Помочь бы им. Мы уж всей деревней подсобляем, как получается. Так может какую животинку бы выделить? А то у старосты целое подворье, а Диан с сыночком с хлеба на воду переби-

ваются...

После разговора с четой я не поленилась – проехала посмотреть на дом Базиля. Разговаривать с ним не стала. Не сейчас и не мне надо будет это делать. Но внешний вид, не побоюсь этого слова, поместья деревенского головы впечатлил и окончательно расставил все точки над "i".

В общем, здесь ситуация была диаметрально противоположной Фуркево, но ровно с тем же результатом для баронской казны.

Налог местный староста, видимо, собирал с излишком, только большей своей частью он оседал в бездонном кармане самого старосты.

Со слов жителей я узнала, что приходилось "бедолаге" кормить еще и двоих зятьев. Не слишком работающих, зато здоровых подрасться и с неугодными расправиться. Да и урезанием земельного надела в свою пользу Базиль Марион (на ум тут же пришёл "Буратиновский" кот Базилио) быстро склонял людей к молчанию.

– Да-а, народ здесь и в самом деле не жирует. – размышляла я по пути домой, *- В связи с удалённостью от хозяйского имения, в Белем сто лет уже не ступала хозяйская нога. Чем беззастенчиво пользуется деревенский голова. А вот этот самый бородатый мужик, с которым я беседовала, кстати, знает про свою деревню, кажется, всё. От и до, как говорится. Да и идей сколько дельных высказал. Вот его бы в старосты и назначить. И дело бы на лад пошло.*

– Остаётся самая малость. – невесело усмехнулась я своим мыслям, – Заставить Лауру включить мозги и шевелиться.

Домой вернулись уже к ужину. (Хорошо, хоть догадались взять с собой в дорогу узелок с перекусом.) Перед самым домом шепнула уводящему лошадь Бернару, чтобы передал своему отцу мою просьбу установить каркас в спальне брата, пока я уведу его на кухню.

Встречать нас выбежал хохочущий Тео. Предметом его веселья оказалась деревянная игрушечная лошадка на палке, которую для мальчишки соорудил Стефан.

Утирая сопливый нос рукавом, ребёнок взхлёб взялся рассказывать последние новости. Я, слушая его вполуха, пощупала лоб. Вроде не горячий. (Опять в голове возникла конкретная цифра. Да что всё это значит?) А Тео всё щебетал, согревая сердце, отвлекая от тяжких дум.

– Да куда ж вы запропалились? Я уже все глаза проглядела! – на пороге, уперев пухлые кулачки в круглые бока стояла Марлен, напуская на себя грозный вид.

– Есть хоти-и-им. – не реагируя на нянькино ворчание, обняла её я.

– И чего тебя только по этим деревням понесло? – продолжала бухтеть пышечка, раскладывая кукурузную кашу по тарелкам, – Чего на месте не сидится-то? Неугомонная. Только в себя приходиться начала – нет бы поберечься. Так нет же – то стирку затеет, то по полям в телеге трясётся.

– Не ворчи, нянюшка, – набитым ртом прожевала я, – пора начинать порядок в баронстве наводить. А то мы такими темпами скоро совсем голыми останемся.

– Мать честная! – аж всплеснула руками Марлен, – Да ты, никак, одна в таком большом хозяйстве управиться решила?

– Почему ж одна? С Лаурой.

Пышечка аж присела на краешек табурета, не веря своим ушам.

– Да и ты сможешь-подскажешь. – продолжила я, – Ну что ты так смотришь? В конце концов, не дура же она. Сама видит, к чему всё катится. Может, не всему её дома учили. Может просто не знает она, с какого конца за такое дело браться. Тут главное верный подход найти.

– Не узнаю тебя, детка. – ошарашенно выговорила нянька, – ты ж всегда такая спокойная была. Хоть и с характером.

– Я и сейчас спокойная. – подняла я на неё глаза, – Только так больше продолжаться не может, верно? Это мне, наверно, конской подковой мозги встряхнуло, вот я и стала порешительней.

– Ох, и чудны дела твои, господи. – Марлен всё ещё продолжала внимательно меня разглядывать, – Пустая затея, детка.

– А я всё-таки попробую. Потому, что выбора-то и нет. Подумай сама, что Тео достанется?

Нянька нахмурилась и надолго замолчала. Похоже, своим заявлением я сильно озадачила нашу опекушку. А что

делать? Сколько можно ходить вокруг да около? Пора уже начинать действовать. Утром отловлю баронессу, пока она никуда не сбежала, и составлю с ней разговор. А сегодня закончу с сюрпризом для брата и погрею ему нос. Не хватало, чтобы мелкий разболелся.

– Ну, чего притих? – спросила я у смиренно сидевшего рядом малыша. Ребёнок чувствовал, что происходит что-то серьёзное, но не понимал, что именно, поэтому только переводил глаза с меня на Марлен и обратно, – Айда в твою комнату. Там моего любимого Тео ждёт сюрприз!

– Правда? – тут же радостно подскочил мелкий. (Как же легко и быстро меняется настроение у детей. И это замечательно.)

Я схватила его за руку и поволокла в детскую.

– Что вы там ещё удумали? – не устояв перед нашим энтузиазмом, поддавшись азарту и любопытству, Марлен бросила дела и топала вслед за нами.

– А ты нашла то, что я тебя просила? – обернувшись через плечо, на ходу спросила её я.

– Да нашла кой чего, не пойму только, зачем тебе лоскуты эти. – пыхтела пампушечка, едва поспевая за нами.

У двери комнаты стоял Бернар, охраняя вход от любопытных глаз. Я прям разулыбалась, глядя на то, как ответственно они с отцом отнеслись к моему поручению. Но сперва нужно было самой на всё посмотреть, проверить на прочность и приладить одеяло.

– Ты, котёнок, постой минутку здесь вместе с Марлен и Бернаром, а я всё подготовлю и скажу, когда заходить. – с этими словами я скрылась в щель двери, оставив Тео и Марлен изнывать от любопытства.

Краем глаза отметила довольную улыбку сына конюха – он ведь был посвящён в эту "тайну".

Прошмыгнув в комнату, я застала там стоявшего на коленях Стефана, с сосредоточенным видом сотрясавшего небольшую ладную конструкцию из палок и жердин.

– Понятно, – рассмеялась я, – на прочность ты уже проверил.

Стянув с кровати покрывало, набросила его на каркас, постелила внутрь коврик и позвала ожидавшую за дверью компанию.

– Ух-х-ты-ы-ы! – с восхищённым шёпотом Тео обходил новинку. И следом каскадом посыпались вопросы, – Это у меня теперь такой домик? А можно я туда своих солдатиков поставлю? А давайте туда положим подушечку. А можно я сегодня тут спать буду?

Спать в палатке мелкому пока не разрешили – холодно на каменном полу. Тонкий коврик в этом вопросе – не спасение. Но клятвенно пообещали придумать, как можно решить проблему. Марлен улыбалась, охала и растроганно складывала на пышном бюсте руки.

А потом мы по очереди сидели в уютной норке. А потом я с Тео под тем же самым покрывалом грела на кухне у печки сопливый нос и "по-секрету" рассказывала малышу, как мы с ним украсим его новый домик. А потом все вместе пили чай с мёдом и нянькиными булками. В общем, нам было чудесно

– еле утолклись.

На следующий день я целенаправленно курсировала по коридору верхнего этажа, ожидая появления баронессы и мысленно приводя в порядок факты с аргументами, которыми сейчас придётся оперировать. Наконец, она появилась из своего будуара.

– Лура, доброе утро. Нам нужно поговорить. – остановила я её, – Где мы можем это сделать?

Мачеха, состроив озадаченное лицо, указала рукой в сторону холла.

– Не надо в холле, разговор будет серьёзным. – мне нужна была более приватная обстановка без лишних ушей. Чтобы баронесса в процессе нашей беседы думала не о том, какое впечатление она производит на возможных слушателей, а СЛЫШАЛА, что я ей говорю.

– Тогда пройдем в мою комнату, – насторожившись предложила мачеха.

Я удовлетворённо кивнула.

В будуаре Лауры было тепло и, я бы даже сказала, уютно. (Ну вот, свою-то спальню корона не упала своими ручками в порядке содержать?)

Тоже стоявшие колом шторы, но приятного пыльно-розового оттенка, подзакатанный, но прям ещё заметно ворсистый овальный бежевый коврик, бежево-серый балдахин над кроватью, в тон ему широкое покрывало и, о чудо, – большое зеркало над косметическим столом-тумбочкой. Я так пони-

маю, всё это роскошество – наследие от первой жены барона, матери Таис.

– Что ты хотела сообщить? – оторвала от наблюдений мачеха. – Только давай покороче, меня ждут дела.

(Ага, очередная поездка к "тёте Шарлотт")

– Вот, собственно, дела я и хотела обсудить. – осторожно начала разговор я, проследовав к резному креслу, стоявшему возле изящного столика на изогнутых ножках. (Дорогой гарнитур, отметила мимоходом. Видать, тоже со старых времён остался.)

Лаура, замерев в районе зеркала, вопросительно изогнула бровь.

– Ну нет, разговаривать "на ходу" мы не будем, – мысленно решила я и демонстративно уселась в означенное кресло, тем самым вынудив мачеху опуститься во второе такое же на другой стороне стола и застыть в нём в напряжённой позе.

Сразу начинать рубить с плеча "правду-матку" было бы верхом глупости. Всё, чего я смогла бы добиться таким путём – это моментально поставить Лауру в позицию глухой обороны, превращая интеллигентный разговор в бессмысленный обмен упрёками и банальную свару. В такой ситуации вряд ли возможен диалог. Мне же надо было не просто высказаться, а получить задуманный результат. Поэтому, решила начать с приятного – с благодарности, постепенно подводя мою оппонентку к основной теме.

– Я оценила усилия, которые ты приложила, чтобы выхло-

потать для меня место фрейлины при герцогине де Шамбор.

– Ну наконец-то! – облегчённо расслабилась Лаура, – Я же говорила, что это будет самый лучший выход для всех.

Женщина, довольная тем, что её "труды", всё-таки оценены по достоинству, ещё некоторое время расплылась на тему, какая прекрасная это была идея, да какие преимущества она даёт нашему дому и мне лично. Баронесса даже разубалась. Для меня же было важно, что она начала со мной говорить.

– Я в самом деле благодарна тебе. – дав Лауре насладиться победоносным спичем, продолжила я, – Однако, в связи с этим возникает ряд вопросов, требующих решения.

Баронесса нахмурила красивые бровки. Оно и понятно. Совершенно очевидно, что решать проблемы мы не очень любим.

– Чтобы иметь возможность достойно отбыть в дом герцогини, мне необходим хотя бы минимальный комплект относительно приличной одежды.

– Таис, ты же видишь, в каком бедственном положении мы сейчас находимся. – ещё сильнее нахмурилась мачеха.

– Вижу, конечно. Так может быть пора подумать, каким образом нам из этого положения выходить? – подвела я её к основной теме беседы.

Лаура резко встала, выпрямляя спину, (как она это обычно делала в моменты серьёзных эмоциональных переживаний) и подошла к окну, уложив тонкие руки на подоконник.

Та-ак, не нравится мачехе тема, ой не нравится. Однако на эживоки времени уже совсем не осталось, будем "дожигать".

– И дело ведь не столько во мне. Баронство стремительно разоряется. Ты же умная женщина – сама видишь, что скоро тебе самой придётся жить хуже, чем деревенской крестьянке.

– Таис, изволь подбирать слова! – Лаура резко дёрнула подбородком, вперив в меня горящие очи. Я задела её за живое. Хотя, "умная женщина" она отметила лёгким кивком и явно оценила.

– А какое наследство останется Тео? – глядя ей прямо в глаза, сдерживая раздражённые интонации продолжила я, – Если сейчас же не взяться за исправление ситуации, вы с отцом сможете передать сыну лишь собственные долги.

Она первая отвела взгляд. Нежные щёки женщины пылали, поджатые губы нервно подрагивали.

Америку я ей не открыла. Судя по реакции, баронессу всё-таки тоже мучил этот вопрос. Уже хорошо – хотя бы не придётся доказывать очевидное.

– Я не знаю, что делать. – тихо, как будто самой себе призналась Лаура.

– Значит нужно разбираться с самого начала и начинать действовать. Главное, не пускать больше ситуацию на самотёк. Я уже была в наших деревнях и сложила предварительное мнение насчёт того, в каком направлении двигаться.

– Таис! – как будто спохватилась женщина и, забыв страдать, откровенно удивлённо уставилась на меня, – Я тебя не узнаю. (Да понятно уж. Чего все одно и то же заладили.) Откуда такой интерес к делам баронства? Столь юной девушке не уместно проявлять рвение в мужских делах.

Если честно, я ждала этого вопроса раньше. Но она настолько углубилась в собственные переживания, что только сейчас обратила внимание на несоответствие выздоравливающей падчерицы и прежней Таис.

– *Как же уже сдуть с тебя эту "золотую пыль"*? – думала я, глядя на мачеху.

– Лаура, – вставая с кресла и подходя к ней вплотную, спокойным вкрадчивым голосом начала я, – Всё понятно, что молодым девушкам бывает чего-то там неприлично. В конце концов мы не вопросы девичьей чести обсуждаем. Дела наши плохи, поэтому давай оставим ненужные формальности и будем говорить начистоту. Я считаю тебя здравомыслящей женщиной, вполне способной разобраться в хозяйстве. Просто это, наконец, надо начать делать.

Глаза баронессы сузились, она смерила меня долгим взглядом, типа "а ты та ещё штучка". В голове её читаемо происходила экстренная переоценка ситуации.

– *Ну, давай уже, решайся*, – мысленно подбадривала я мачеху, затягивая паузу. Сейчас был её ход. Кто первый откроет рот – тот и "проиграл". Хотя, как вы понимаете, все мои усилия сейчас были направлены на то, чтобы выиграла все.

– Что ты предлагаешь? – Лаура развернулась всем корпусом, встав боком ко мне и уставившись в окно.

Ну тут уж я не заставила себя уговаривать и выложила мачехе всю собранную мной информацию.

– Я готова согласиться с тем, что необходимо предпринимать какие-то шаги. Но мне необходимо обдумать всё, что ты мне сейчас сказала. А теперь мне пора собираться. – на этом она поставила точку в нашем разговоре.

Усиленно подавляя внешние признаки распиравшего меня радостно-приподнятого возбуждения от результата беседы, я покинула покои мачехи и отправилась на кухню чего-нибудь зажевать. Это была маленькая победа.

Впрочем, как потом показала практика, радовалась я рано.

Нет, Лаура не отказалась от своих слов прямо сразу и даже некоторое время предпринимала честные попытки освоить бумаги, которые я уже отсортировала и активно подсовывала ей для ознакомления. Но, например, мысль о том, чтобы лично пообщаться с деревенскими мужиками повергала её в культурный шок. И вообще, сама ситуация того, что малолетняя падчерица, условно говоря, учит её разбираться в собственном хозяйстве, вызывала у неё дикую неловкость, а отсюда и раздражение.

На моё предложение каким-либо законным образом передать полномочия на распоряжения по баронству в мои руки следовал единственный, кстати, вполне логичный вопрос: "

Когда я буду этим всем заниматься, если в ближайшем будущем мне неизбежно придётся съехать из имения к гепцигине?"

А та, как на грех, уже справлялась на тему моего здоровья, ибо вакансия фрейлины, грубо говоря, "висела открытой" и давно уже требовала заполнения. С трудом нам удалось выторговать ещё пару недель моего отсутствия.

В конечном итоге, закончилось всё тем, что баронесса наша психанула и опять задрала лапки кверху.

– Это вообще не женское дело. – было сказано мне, – Вот пусть этим всем барон и занимается.

Что-то в этом роде я предчувствовала заранее, видя как тяжело даются Лауре шаги к управлению баронством. На случай подобного развития событий, была у меня в записке одна гениальная, на мой взгляд, идея.

– Ну, прости, дорогая. – я мысленно "закатала рукава". – Ты сама меня вынудила на этот шаг. Не хочешь напрягаться добровольно, значит будем подключать "тяжёлую артиллерию".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.